

Тайны летней ночи

Автор:

[Лиза Клейпас](#)

Тайны летней ночи

Лиза Клейпас

Желтофиоли #1Шарм (АСТ)

Аннабел Пейтон поклялась, что никогда не уступит домогательствам мужчины, пока на пальце ее не будет сверкать обручальное кольцо. Однако именно она, поддавшись магии лунной ночи и чарам опытного соблазнителя, становится любовницей циника и ловеласа Саймона Ханта, отнюдь не намеренного вступить в брак! Конец надеждам и мечтам? Аннабел вовсе так не считает. Уж она-то точно найдет способ превратить коварного обольстителя в сгорающего от страсти влюбленного!

Лиза Клейпас

Тайны летней ночи

Джулии Мэрфи за то, что заботилась о Гриффине и Линдсей с такой любовью, бесконечным терпением и умением... За то, что посвятила свои многочисленные таланты деловой стороне моей карьеры... За то, что стала нам родной... И больше всего за то, что ты – это ты.

Всегда любящая Л.К.

Lisa Kleypas

SECRETS OF A SUMMER NIGHT

© Lisa Kleypas, 2004

© Перевод. Т.А. Перцева, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог

Лондон, 1841 год

Хотя Аннабел Пейтон всю жизнь предупреждали о том, что брать деньги у незнакомых людей ни в коем случае не следует, однажды она все-таки сделала исключение... и почти сразу же поняла, что всего благоразумнее стоило бы последовать совету матери.

В этот день у ее брата Джереми не было занятий, что случалось крайне редко, и оба, как это было у них заведено, отправились посмотреть новую панораму на Лейстер-сквер. Две недели жесточайшей экономии на хозяйственных расходах – и они смогли накопить достаточно, чтобы заплатить за билеты.

Как единственные оставшиеся в живых отпрыски семьи Пейтон, Аннабел с братом были необычайно близки, даже несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Детские болезни унесли жизни двух малышей, родившихся после Аннабел. Ни один не отпраздновал своего первого дня рождения.

– Аннабел, – спросил Джереми, отойдя от кассы, – у тебя еще остались деньги?

Сестра покачала головой и вопросительно вскинула брови.

– Боюсь, ни пенса. А что?

Джереми с тяжелым вздохом откинул упавшую на лоб прядь волос цвета светлого меда.

– Они удвоили цену, очевидно, панорама обошлась дороже, чем все остальное.

– Но в газете ничего об этом не говорилось, – вознегодовала Аннабел и, понизив голос, добавила: – Ад и проклятие!

После чего принялась рыться в ридикюле в надежде найти завалявшуюся монету.

Двенадцатилетний Джереми бросил мрачный взгляд на гигантскую афишу, висевшую над украшенным колоннами входом театра панорамы:

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

МАКСИМАЛЬНАЯ ПРИБЛИЖЕННОСТЬ К РЕАЛЬНОСТИ

ДИОРАМИЧЕСКИЕ ВИДЫ

Целую неделю, с самого открытия новой панорамы, театр осаждали зрители, которым не терпелось увидеть чудеса Римской империи и ее трагическое падение.

– Все равно что путешествие назад во времени! – восторгались они.

Панорама обычного рода заключалась в простом созерцании холстов, развешанных в круглой комнате и дававших возможность рассмотреть всю историю того или иного события. Иногда, чтобы добавить зрелищу увлекательности, использовались музыка и специальное освещение. Лектор, переходя от одной картины к другой, живописал дальние страны или знаменитые сражения.

Однако, если верить «Таймс», новая постановка была диорамой, а это означало, что холсты сделаны из прозрачного промасленного ситца и в зале установлена специальная подсветка. Триста пятьдесят зрителей стояли в центре на круге, который очень медленно вращали два человека. Причудливая игра света, посеребренное стекло, фильтры и актеры, нанятые на роли осажденных римлян, создавали так называемый эффект присутствия. Судя по тому, что читала Аннабел, последние трагические моменты искусно симитированного извержения вулкана оказывались настолько реалистичными, что некоторые женщины в публике впадали в истерику или лишались чувств.

Взяв ридикюль у расстроенной сестры, Джереми затянул тесемки и отдал сумочку обратно.

– У нас хватает на один билет, – деловито заметил он. – Иди. Я все равно не слишком-то хотел увидеть эту чушь.

Хорошо понимая, что брат лжет ради нее, Аннабел покачала головой:

– Ни за что. Это ты иди. Я могу увидеть панораму в любой день. А вот ты вечно пропадаешь в школе. А спектакль продолжается всего четверть часа, которые я и проведу в ближайшей лавке.

– Идти за покупками без денег? – скептически усмехнулся Джереми. – Ничего не скажешь, веселая затея.

– Главное – не покупать, а рассматривать, – пояснила Аннабел.

– Именно этими словами бедняки утешают себя, гуляя по Бонд-стрит, – фыркнул Джереми. – Кроме того, я не оставляю тебя одну, иначе все мужчины в округе не дадут тебе покоя. И хорошо, если еще будут только газетей. Непременно найдется такой, который на тебя набросится.

– Не будь дурачком, – отмахнулась Аннабел.

Брат вдруг расплылся в улыбке. Его взгляд скользнул по тонко очерченному лицу, синим глазам и массе забранных наверх локонов, переливавшихся коричнево-золотым цветом осенней листвы под узкими полями шляпки.

– Передо мной хотя бы не разыгрывай чопорную мисс! Твоя притворная скромность меня не обманет. Ты прекрасно сознаешь силу собственного воздействия на мужчин и, насколько мне известно, не стесняешься ею воспользоваться.

– Ах вот как? – делано нахмурилась Аннабел. – Насколько тебе известно?! Откуда ты, спрашивается, знаешь о моих отношениях с мужчинами, если целыми днями торчишь в школе?

Джереми, мгновенно став серьезным, выпрямился.

– Теперь все переменится. На этот раз я не вернусь в школу. И поверь, смогу куда больше помочь тебе и маме, найдя работу.

Аннабел тихо ахнула:

– Джереми, ты ничего подобного не сделаешь! Это разобьет мамино сердце, и будь папа жив...

– Аннабел, – упрямо перебил он, – у нас нет денег. Мы даже не можем наскрести лишних пяти шиллингов на билет в панораму...

– Хорошую же ты работу себе найдешь, – съязвила Аннабел, – ни образования, ни связей, ни влиятельных знакомых. Если не собираешься убирать улицы или стать рассыльным, лучше оставайся в школе, пока не созреешь для более приличных занятий. А я тем временем найду богатого джентльмена, выйду за него, и все будет хорошо.

– Прекрасного мужа ты найдешь без приданого, ничего не скажешь, – парировал брат.

Они уставились друг на друга, как два упрямых барана, и стояли так, пока не открылись двери. В круглый зал ринулась толпа зрителей. Осторожно обняв Аннабел за плечи, Джереми увел ее, чтобы не попасть в самую давку.

– Забудь про панораму, – резко велел он. – Развлечемся кое-чем иным. И деньги тратить не придется.

– Чем именно?

Оба задумались. И когда стало ясно, что ни у кого нет свежих идей, оба взорвались смехом.

– Мистер Джереми, – раздался низкий голос за спиной мальчика.

Все еще улыбаясь, Джереми обернулся.

– Мистер Хант! – с искренней сердечностью вскричал он, протягивая руку. – Удивительно, что вы меня еще помните.

– Я тоже удивлен вашей памятью. С нашей последней встречи вы стали выше на целую голову!

Мужчина пожал руку Джереми.

– Отпустили с занятий?

– Да, сэр.

Видя смущение Аннабел, Джереми прошептал ей на ухо, пока высокий джентльмен жестом показывал друзьям, чтобы шли в театр без него:

– Мистер Хант – сын мясника. Я раза два встречал его в лавке, когда мама посылала меня за мясом. Будь с ним вежлива: он замечательный парень.

Озадаченная, Аннабел невольно подумала, что для сына мясника Хант на удивление хорошо одет: в дорогой черный сюртук и модные, свободно скроенные брюки, которые, однако, не скрывали очертаний мускулистых ног. Как почти все остальные мужчины, входившие в театр, он уже успел снять шляпу, обнажив темные густые слегка волнистые волосы. Интересный мужчина: высокий, ширококостный, лет тридцати, с резко очерченными чертами лица, длинным носом, широким ртом и глазами такими черными, что зрачок сливался с радужкой. Лицо сильного человека. В глазах светился сардонический юмор, не имевший ничего общего с легкомыслием. Губы слегка кривились в насмешливой улыбке. Даже постороннему наблюдателю было ясно, что этот человек редко

сидит сложа руки: и тело, и характер выкованы тяжким трудом и честолюбием.

– Моя сестра, мисс Аннабел Пейтон, – представил Джереми. – А это мистер Саймон Хант.

– Рад знакомству, – пробормотал Хант с поклоном.

И хотя его манеры были безупречно учтивы, глаза блеснули так странно, что у Аннабел екнуло сердце. Сама не зная почему, она крепче прижалась к брату, хотя все-таки догадалась кивнуть.

К собственному смущению, она обнаружила, что не может отвести от него глаз. Они словно узнали друг друга после долгой разлуки, хотя никогда не встречались раньше... но судьба почти сводила эту пару несколько раз, пока наконец не вынудила их дороги пересечься. Странный каприз, отмахнуться от которого она, впрочем, не захотела. Ошеломленная, обессиленная, она оставалась беспомощной пленницей его пристального взгляда, пока щеки не налились стыдливым жарким румянцем.

Хант, продолжая смотреть на Аннабел, спросил Джереми:

– Могу я проводить вас в зал?

После нескольких мгновений неловкого молчания Джереми с деланой небрежностью ответил:

– Спасибо, но мы решили не идти на спектакль.

Темная бровь Ханта вопросительно изогнулась.

– Уверены? Представление обещает быть интересным.

Он перевел пронизательный взгляд с Аннабел на Джереми, верно угадав причину такого внезапного нежелания развлечься. Голос его мгновенно смягчился:

– Разумеется, существует правило никогда не обсуждать подобные дела в присутствии леди. И все же я не могу не спросить... возможно ли, юный Джереми, что вас застигло врасплох повышение цен на билеты? Если так, я более чем счастлив одолжить вам...

– Нет, спасибо, – поспешно вмешалась Аннабел, безжалостно вонзая локоть в бок брата.

Джереми, поморщившись, учтиво склонил голову:

– Я ценю ваше предложение, мистер Хант, но моя сестра не желает...

– Не желает идти на представление, – холодно dokonчила Аннабел. – Я слышала, что некоторые эффекты чересчур грубо поставлены и доводят женщин до обмороков. Предпочитаю мирную прогулку в парке.

В глубоко посаженных глазах Ханта мелькнуло нечто, напоминавшее издевку.

– Вы так робки, мисс Пейтон?

Раздраженная скрытым вызовом, девушка настойчиво дернула брата за руку:

– Нам пора, Джереми. Не будем задерживать мистера Ханта. Он, конечно, торопится в театр...

– Боюсь, это не доставит мне никакого удовольствия, – мрачно заверил Хант, – если вас не будет рядом. – И, ободряюще кивнув Джереми, добавил: – Мне невыносима сама мысль о том, что из-за нескольких жалких шиллингов вы с сестрой лишитесь такого зрелища.

Чувствуя, что брат слабеет, Аннабел злобно прошептала ему на ухо:

– Посмей только позволить ему заплатить за билеты!

Но Джереми, игнорируя ее, чистосердечно признался:

– Сэр, если я приму ваше предложение, не уверен, когда смогу отдать долг.

Аннабел закрыла глаза и тихо застонала, сгорая от унижения. Она так старалась не выдать их отчаянного положения... а сознавать, что теперь этому человеку известно, как дорог им каждый шиллинг, было просто невыносимо.

– Никакой спешки, – беспечно заверил Хант. – В следующий приезд из школы зайдете в лавку отца и оставите деньги у него.

– В таком случае я согласен, – с очевидным облегчением выдохнул Джереми, пожимая руку Ханту. – Огромное вам спасибо.

– Джереми... – начала Аннабел тихим, но убийственным тоном.

– Ждите здесь, – бросил Хант, устремляясь к кассе.

– Джереми, ты прекрасно знаешь, насколько неприлично брать деньги у чужого человека, – прошипела Аннабел, видя, что брат не намерен раскаяться и идти на попятную. – О, как ты мог! Сознание того, что мы в долгу у подобного человека, просто непереносимо!

– Что значит «подобного»? – с невинным видом возразил брат. – Говорю же, он замечательный парень... о, полагаю, это потому, что он из низов? – Улыбка сожаления скривила его губы. – Знаешь, вряд ли можно поставить это ему в упрек, тем более что он безумно богат. Да и мы, сестрица, не слишком уж высокородны. Титула, во всяком случае, у нас нет. Так, болтаемся на нижних ветвях генеалогического древа, что означает...

– Как это сын мясника может быть безумно богат? – перебила Аннабел. – Вероятно, население Лондона потребляет куда больше говядины и бекона, чем я до сих пор считала, но на этом состояния не сделаешь.

– Прости, но я не говорил, что он работает в лавке отца, – снисходительно сообщил Джереми. – Только то, что мы там встречались. Он предприниматель.

– То есть спекулянт? Или играет на бирже?

Аннабел нахмурилась. В обществе, где считалось вульгарным думать или говорить о предметах меркантильных, человек, занимавшийся финансовыми инвестициями, считался дурно воспитанным мужланом.

– Нет, там что-то немного иное, чем спекуляции. Полагаю, совершенно не важно, что он делает и как много на этом зарабатывает, поскольку рожден в семье простолюдина.

Слыша критические нотки в голосе брата, Аннабел угрожающе прищурилась.

– Ты положительно становишься демократом, Джереми, – сухо заметила она. – И незачем вести себя так, будто я такая уж жалкая снобка: поверь, я стала бы возражать, даже если бы сам герцог пытался одолжить нам деньги на билеты. Дело не в положении человека, а в принципах.

– Ну, против герцога ты наверняка возражала бы не так горячо, – хихикнул Джереми, любуясь растерянным лицом Аннабел.

Возвращение Саймона Ханта положило конец перепалке. Обозревая сестру и брата темными живыми глазами, он слегка улыбнулся:

– Все в порядке. Пойдем?

Джереми украдкой подтолкнул Аннабел, и та неловко дернулась.

– Прошу вас, не считайте себя обязанным сопровождать нас, мистер Хант, – пробормотала она, отчетливо сознавая, какой невежливой должна казаться в глазах этого человека. Но было в нем что-то такое, посылавшее сигналы тревоги по и без того натянутым нервам. Он не казался ей достойным доверия... мало того, несмотря на элегантную одежду и приглаженную внешность, он выглядел не слишком цивилизованным человеком. Человеком того типа, с которым хорошо воспитанная женщина никогда не захочет остаться наедине. И ее восприятие Саймона не имело ничего общего с его происхождением или положением: просто инстинктивное осознание его физической силы и мужского темперамента, явно оказавшихся чересчур для нее чуждыми, не давало покоя.

– Уверена, – смущенно продолжала она, – что вам не терпится присоединиться к своим спутникам.

Хант лениво пожал широкими плечами:

– В такой толпе я никогда их не найду.

Аннабел могла бы возразить, указав, что, как один из самых высоких людей в публике, Хант, возможно, без труда мог бы увидеть своих друзей, но было очевидно, что спорить с ним бесполезно. Выхода нет: придется смотреть представление в компании Ханта.

Однако при виде неподдельного волнения Джереми настороженная неприязнь несколько померкла, а голос смягчился.

– Простите, я не хотела показаться грубой. Просто не люблю быть обязанной незнакомым людям.

Хант бросил на нее пронизательный взгляд, отчего Аннабел снова растерялась.

– Прекрасно вас понимаю, – кивнул он, проводя ее через толпу. – Однако в этом случае вы ничем мне не обязаны. И мы не совсем чужие: ваши родные много лет способствовали процветанию бизнеса моего отца.

Они вошли в большое здание и ступили на массивный вращающийся круг с поручнями и оградой из кованого железа, отделенный от картин полосой в двенадцать ярдов. По стенам были развешаны сцены из римской жизни. На полосе были размещены сложные механизмы, что вызвало возбужденные замечания зрителей. Как только собрались все, в комнате мгновенно стало темно. Послышались взволнованные охи и ахи, раздалось тихое жужжание механизмов, и обратная сторона холстов озарилась голубым сиянием. Пейзажи тут же обрели объем, производя неожиданное впечатление полной реальности, испугавшее Аннабел. Она почти поверила, что они стоят под жарким небом Италии. Появились несколько актеров в тогах и сандалиях, и лектор стал излагать историю Древнего Рима.

Диорама оказалась еще более завораживающей, чем рассчитывала Аннабел. И все же она не до конца увлеклась разворачивавшимся перед глазами зрелищем: слишком остро ощущала присутствие стоявшего рядом человека. Мало помогало и то обстоятельство, что время от времени он наклонялся и отпускал ей на ухо очередную неуместную реплику, шутливо упрекая ее за проявление столь неприличного интереса к джентльменам, облаченным в простыни. И как бы Аннабел ни старалась сдержаться, с губ то и дело срывался тихий смех, заслуживший неодобрительные взгляды окружающих. Как следствие Хант пожурил ее за непристойное веселье во время серьезной лекции, что, естественно, вызвало новый взрыв смеха. Джереми, казалось, был слишком поглощен представлением, чтобы замечать проделки Ханта, и то и дело вытягивал шею, пытаясь определить, какие именно механизмы производили столь волшебные эффекты.

Хант успокоился, когда непредвиденный сбой вращения круга стал причиной внезапного толчка. Несколько человек потеряли равновесие, но соседи помешали им упасть. Застигнутая врасплох, Аннабел покачнулась, но сильные руки мгновенно прижали ее к мужской груди. Правда, Хант немедленно отпустил ее и участливо осведомился, все ли в порядке.

- О да, - выдохнула девушка. - Прошу извинить меня. Я совершенно...

Она вдруг осеклась и озадаченно замолчала, осознав, что только сейчас произошло. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного от близости мужчины. Никогда... до этого момента. Невинность и полное отсутствие опыта помешали понять, что значат эти непонятные ощущения и как их удовлетворить. Одно было ясно: на какое-то мгновение ей отчаянно захотелось прислониться к этому телу, стройному и упругому, казавшемуся абсолютно неуязвимым, обещавшему тихую гавань той, у кого земля шаталась под ногами. Запах... запах чистой мужской кожи, крахмального белья пробуждал в ней приятные ожидания. Он совершенно не походил на благоухающих одеколоном и помадой аристократов, на которых она вела охоту последних два сезона, пытаясь заполучить богатого мужа.

Крайне встревоженная, Аннабел смотрела на холсты, не замечая и не интересуясь изменениями цвета и освещения, создающими впечатление приближавшегося падения... заката Римской империи. Хант, казалось, тоже был абсолютно безразличен к представлению, поскольку не сводил глаз с девушки. И хотя его дыхание оставалось тихим и размеренным, ей отчего-то казалось, что

его ритм слегка изменился.

Аннабел поспешно облизнула пересохшие губы.

– Вы... вы не должны так смотреть на меня, – пролепетала она едва слышно. Но он уловил каждый звук.

– Вы – это единственное, чем здесь стоит любоваться.

Она не шевельнулась. Не произнесла ни слова. Притворилась, будто не слышала нежного дьявольского шепота, хотя сердце билось сильно и неровно, а колени, казалось, вот-вот подогнутся. Как такое может происходить в театре, полном людей, и в присутствии брата?

Аннабел на мгновение закрыла глаза. Голова сильно кружилась, но эти симптомы не имели ничего общего с вращением круга.

– Смотри! – прошипел Джереми, возбужденно толкая ее локтем. – Сейчас покажут вулкан!

Неожиданно театр погрузился в полную, слепящую тьму, и под кругом зародился и стал нарастать зловещий рокот, встреченный нестройным смехом и громкими криками предвкушения. Аннабел оцепенела, ощутив прикосновение руки к спине. Его рука скользит с намеренной медлительностью вверх, к шее... его запах, свежий и манящий, ударяет в ноздри... и прежде чем она успевает издать хотя бы звук, губы завладевают ее ртом в теплом, влажном, властном поцелуе. Слишком ошеломленная, чтобы отстраниться, она нерешительно взмахнула руками, как белыми вспорхнувшими в воздух бабочками, и снова пошатнулась. Он слегка придержал ее за талию одной рукой, а второй коснулся затылка.

Аннабел целовали и раньше – дерзкие молодые люди, старавшиеся украсть быстрый поцелуй во время прогулки в саду или в укромном уголке гостиной, где никто их не замечал. Но такой пьянящей, головокружительной ласки, повергшей ее во временное безумие, испытывать до сих пор не доводилось. Ощущения вихрем охватили ее: сильные, неуправляемые, и она лишь беспомощно вздрагивала в его руках. Некий мощный инстинкт заставил ее поднять голову и принять нежные ласки его губ. Постепенно давление этих губ все нарастало,

требуя большего, разжигая огонь в крови.

И когда она уже теряла остатки разума, Хант с пугающей внезапностью отпустил ее, оставив потрясенной и ничего не соображающей. Снова наклонил голову, и сожалеющий шепот обжег ее ухо:

– Простите. Не смог устоять.

Он отступил, и когда зловещий красный свет наполнил огромное помещение, его уже не было рядом.

– Да посмотри же на это! – ликовал Джереми, с энтузиазмом показывая на модель извергающегося вулкана, из кратера которого стекала багровая лава. – Невероятно! – И, заметив отсутствие Ханта, недоуменно нахмурился: – А куда делся мистер Хант? Наверное, увидел своих друзей.

И, пожав плечами, принялся любоваться вулканом. Его восторженным крикам вторили возгласы потрясенных зрителей.

Но Аннабел, до сих пор так и не пришедшая в себя, никак не могла понять, что с ней случилось и было ли все это на самом деле. Разумеется, никакой незнакомец не целовал ее в театре во время представления. И вообще, разве можно целовать вот так?!

Вот что бывает, когда позволяешь неизвестному джентльмену платить за тебя: подобные вещи дают мужчинам право считать, будто им все позволено. Да и ее собственное поведение...

Сгорающая от стыда, униженная, Аннабел никак не могла понять, почему позволила мистеру Ханту целовать себя. Ей следовало бы запротестовать, оттолкнуть его, но вместо этого стояла, как глупая кукла, в каком-то непонятном тумане, пока он... О, при этой мысли она мучительно сморщилась. Не важно, как и почему Саймону Ханту удалось прорвать ее безупречную оборону. Дело в том, что он... опасен, и, следовательно, отныне его надо избегать любой ценой.

Лондон, 1843 год

Конец сезона

Твердо нацеленная на брак девушка способна преодолеть практически любое препятствие... любое, кроме полного отсутствия приданого.

Аннабел нетерпеливо дернула ножкой под воздушной белой массой юбок, сохраняя при этом абсолютно бесстрастное выражение лица. За последние три неудачных сезона она привыкла подпирать стены. Привыкла, но не смирилась. Слишком часто ей приходило в голову, что она заслуживает гораздо лучшего, чем сидеть в дальнем конце комнаты на вычурном стульчике и надеяться, надеяться, надеяться на приглашение, которого так и не последовало. Пытаясь притворяться, что ей все равно. Что она совершенно счастлива и рада просто наблюдать, как танцуют другие. Как за этими другими ухаживают завидные холостяки.

Тяжело вздохнув, Аннабел потеревшая крохотный серебряный футляр бальной карточки, свисавшей с ленты на ее запястье. Крышечка скользнула вбок, открыв книжечку из полупрозрачных листочков слоновой кости, раскладывавшихся в веер. Предполагалось, что она будет записывать имена партнеров на этих изящных лепестках. Но веер, на котором не было ни одной надписи, напоминал Аннабел издевательски щерившиеся зубы.

Закрыв серебряный футляр, она оглядела сидевших рядом девушек. Все три делали вид, что также равнодушны к своей участи.

Аннабел точно знала, почему их тоже не спешат пригласить на танец. Значительное фамильное состояние мисс Эванджелин Дженнер явилось результатом удачной карточной игры одного из предков, а происхождение было явно невысоким. К сожалению, мисс Дженнер была болезненно застенчива и, кроме того, заикалась, что делало возможность разговора истинной пыткой для обоих участников. Остальные две, мисс Лилиан Боумен и ее младшая сестра Дейзи, пока не освоились в Англии, и, судя по положению вещей, на это уйдет еще много времени. Ходили слухи, что мать привезла их из Нью-Йорка, поскольку там не нашлось подходящих женихов. Наследницы мыльной пены, как

их издевательски величали. Впрочем, иногда называли еще и долларовыми принцессами. Несмотря на элегантно очерченные скулы и раскосые темные глаза, вряд ли они здесь найдут свою судьбу, если только не смогут обзавестись благосклонной наставницей-аристократкой, согласной ввести их в общество.

До Аннабел вдруг дошло, что за последние несколько месяцев этого гнетущего сезона все четыре часто сидели рядом на балах или званых вечерах и всегда у стены или в углу. И все же редко разговаривали друг с другом, погруженные в молчаливое ожидание. Но сейчас она поймала взгляд Лилиан Боумен, в чьих бархатных темных глазах неожиданно блеснули искорки юмора.

- Могли бы по крайней мере поставить стулья поудобнее, - пробормотала она, - учитывая, что нам придется занимать их весь вечер.

- Следовало бы сразу выгравировать на них наши имена, - сухо заметила Аннабел. - Думаю, что после того как я столько времени просидела на нем, имею полное право назвать его своим.

Эванджелин тихо фыркнула и пальцем откинула ярко-рыжий локон, упавший на лоб. Улыбка добавила блеска ее круглым голубым глазам, а щеки под россыпью золотых веснушек вспыхнули румянцем. Похоже, внезапное ощущение единства временно заставило ее забыть о застенчивости.

- Н-непонятно по-почему у в-вас нет поклонников. В-вы здесь самая красивая, и мужчины д-должны были падать к вашим н-ногам, умоляя потанцевать с ними.

Аннабел грациозно пожала плечиком:

- Никто не хочет жениться на бесприданнице.

Только в сказочном царстве любовных романов герцоги женились на бедных девушках, в реальности же герцоги, виконты и им подобные были обычно обременены огромной финансовой ответственностью по содержанию больших поместий и многочисленных родственников, не говоря уже о помощи арендаторам. Богатый аристократ так же нуждался в состоятельной невесте, как и любой бедняк.

– Никто не желает жениться на американке из семьи нуворишей, – вторила Лилиан. – Наша единственная надежда обрести корни – выйти замуж за аристократа с английским титулом.

– Но у нас нет поручительницы, – вставила Дейзи, миниатюрная, похожая на озорного эльфа сестра Лилиан, такая же, как она, белокожая, темноволосая и кареглазая. Лукавая улыбка коснулась ее губ.

– Если случайно знаете какую-нибудь милую герцогиню, готовую принять нас под свое крылышко, мы вам будем очень обязаны.

– Н-не поверите, но я вовсе не хочу искать мужа, – призналась Эванджелин. – П-просто переживаю сезон, потому что мне больше нечего делать. Я слишком стара, чтобы оставаться в школе. А мой отец... – Она тяжело вздохнула. – С-собственно говоря, остался только один сезон, прежде чем мне исполнится двадцать три. Тогда я оф-фициально смогу считаться старой девой. П-поскорее бы!

– Значит, двадцать три – это последний предел? – спросила Аннабел с полушутливой тревогой и закатила глаза к небу. – Господи, я понятия не имела, что меня давно пора положить на полку!

– А сколько вам? – не выдержала Лилиан.

Аннабел посмотрела по сторонам, опасаясь, что разговор подслушивают:

– В следующем месяце будет двадцать пять.

Столь ужасающее откровение не могло не вызвать сожалеющих взглядов.

– Вам ни за что не дашь больше двадцати одного, – поспешила утешить Лилиан.

Аннабел с силой сжала футляр карточки, словно стараясь спрятать его от посторонних. Ничего не скажешь, время летит быстро. Это ее четвертый, и скорее всего последний, сезон. Пятого она не вынесет. Да и как это будет выглядеть? Нелепая дурочка, старающаяся поймать жениха... Нужно как можно скорее что-то предпринять, иначе они просто не смогут платить за обучение

Джереми и будут вынуждены переехать из скромного домика куда-нибудь вроде дешевого пансиона. И едва начнется скольжение вниз, обратного пути наверх уже не будет.

За шесть лет, прошедшие после смерти отца Аннабел, скончавшегося от разрыва сердца, финансовое положение семьи катастрофически ухудшилось. Женщины всячески пытались это скрыть, притворяясь, что у них по-прежнему полдюжины слуг вместо одной заморенной кухарки, выполнявшей заодно работу горничной и старого лакея. Перелицовывали полинявшие платья, продавали камни из украшений, заменяя их стразами. Аннабел бесконечно устала от постоянных усилий обмануть весь свет, хотя этот самый свет, похоже, был прекрасно осведомлен о том, что семья балансирует на грани пропасти. В последнее время Аннабел начала получать тайные предложения от женатых мужчин, многозначительно твердивших, что ей стоит только попросить о помощи, как они готовы на все. Не было необходимости уточнять, во что ей обойдется расплата за эту помощь: Аннабел прекрасно сознавала, что обладает всеми задатками первоклассной содержанки.

– Мисс Пейтон, – поинтересовалась Лилиан, – как вы себе представляете идеального мужа?

– О, – с неуместной беспечностью отозвалась Аннабел, – любой аристократ подойдет.

– Любой? – скептически переспросила Лилиан. – Как насчет приятной внешности?

Аннабел пожала плечами:

– Неплохо, но необязательно.

– А как насчет страсти? – не выдержала Дейзи.

– Определенно нежелательно.

– Ума? – подсказала Эванджелин.

– Как получится. Вполне допустимо.

– Обаяния? – допытывалась Лилиан.

– Опять же допустимо.

– Вижу, вам много не надо, – сухо бросила Лилиан. – Лично я добавила бы несколько условий. Мой аристократ должен быть красивым брюнетом... превосходным танцором... и никогда не спрашивать разрешения меня поцеловать.

– А я хочу выйти за человека, прочитавшего все сочинения Шекспира, – объявила Дейзи. – Спокойного, романтичного... а еще лучше очкарика. И он должен любить поэзию, природу и не иметь большого опыта по женской части.

Старшая сестра выразительно подняла глаза:

– Какое облегчение знать, что мы никогда не станем соперничать из-за одного и того же мужчины!

Аннабел обратилась к Эванджелин:

– А вы, мисс Дженнер? Какой муж подошел бы вам лучше всего?

– Эви, – пробормотала девушка, так отчаянно краснея, что лицо почти слилось с ярко-рыжими волосами. Она явно боролась с собой: болезненная робость и стремление к замкнутости никак не способствовали откровенности с почти незнакомыми людьми. – Полагаю... хотелось бы, чтобы он был д-д-добр и... – Она осеклась и с самоуничижительной улыбкой покачала головой: – Не з-знаю. Просто чтобы л-любил меня. По-настоящему.

Эта речь неожиданно тронула Аннабел и наполнила странной меланхолией. Для нее любовь была роскошью, на которую она никогда не позволяла себе надеяться. Слишком уж легкомысленно требовать какой-то любви, когда речь идет об элементарном выживании.

Однако она дружески коснулась затянутой в перчатку руки девушки.

– Желая вам найти такого, – искренне шепнула она. – Может, и не придется долго ждать.

– Похоже, все мы нуждаемся в помощи в той или иной форме, – заметила Лилиан, доброжелательно, но оценивающе оглядывая Аннабел.

– Хм-м... я не возражала бы попробовать на вас...

– Что именно? – вскинула брови Аннабел, не зная, смеяться или возмущаться.

– До конца сезона осталось всего несколько недель, – пояснила Лилиан. – А это, полагаю, ваш последний. То есть, говоря без обиняков, мечты выйти за человека вашего же круга испарятся в конце июня.

Аннабел настороженно кивнула.

– В таком случае предлагаю...

Лилиан вдруг замолчала.

Проследив за направлением ее взгляда, Аннабел тихо застонала при виде высокого темноволосого мужчины.

Джентльмен, так неожиданно помешавший интересной беседе, оказался Саймоном Хантом – человеком, с которым никто из четырех не желал иметь дела, и по вполне веским причинам.

– Прошу учесть, – пробормотала Аннабел, – что для меня идеал мужа должен быть полной противоположностью мистеру Ханту.

– Какой сюрприз, – съязвила Лилиан, поскольку все были совершенно согласны с вышесказанным.

Можно простить человека за стремление подняться повыше по социальной лестнице, если при этом он обладает манерами и лоском, достойными истинного члена общества. К несчастью, Саймон Хант не мог похвастаться такими

качествами. Невозможно вести учтивый разговор с собеседником, который всегда говорит то, что думает, независимо от того, какими нелестными и даже оскорбительными бывали его высказывания.

Вероятно, мистера Ханта можно назвать красивым. Аннабел предполагала, что некоторые женщины находили его мужественное лицо и мускулистую фигуру достаточно привлекательными. Даже она была вынуждена признать, что есть нечто неотразимое во всей этой едва сдерживаемой мощи, заключенной в строгую черно-белую клетку официального вечернего костюма. Однако грубость и сварливость характера легко затмевали весьма спорные достоинства Саймона Ханта. Его натуре равно были чужды чувствительность, идеализм или тонкое восприятие элегантности и светской грации... сплошные фунты и пенсы, эгоистическая, хваткая расчетливость. Любой человек в его положении совестился бы столь вопиющих недостатков воспитания, но Хант, очевидно, задумал превратить порок в добродетель, поскольку обожал издеваться над обычаями, ритуалами и приличиями аристократов. Холодные черные глаза постоянно искрились весельем, словно он насмехался над всеми и каждым.

К облегчению Аннабел, Хант ни словом ни жестом не давал понять, что помнит ту давнюю встречу в панораме и украденный в темноте поцелуй. Но ведь и она, по мере того как шло время, почти убедила себя, что все это было лишь плодом разгоряченного воображения. Теперь случившееся уже не казалось реальным, особенно ее страстный ответ на поцелуй дерзкого незнакомца.

Многие люди, вне всякого сомнения, разделяли неприязнь Аннабел к Саймону Ханту, но, к досаде высших лондонских кругов, он поднялся так высоко не затем, чтобы падать вниз. Он явно пришел, чтобы остаться. За последние годы Хант нажил огромное богатство, приобретя контрольные пакеты акций компаний, производивших сельскохозяйственное оборудование, суда и двигатели локомотивов. И несмотря на неотесанность Ханта, его приглашали на все балы и вечеринки, потому что такое состояние стало невозможно игнорировать. Хант олицетворял собой угрозу, которую представляли промышленники многовековой английской аристократии, занимавшейся сельским хозяйством. Поэтому зная с плохо скрытой недоброжелательностью взирала на чужака, хотя и пускала в свой замкнутый кружок. Хуже того, Хант даже не давал себе труда изобразить смирение и искренне наслаждался тем, что нагло врывается туда, где ему вовсе не были рады.

В тех немногих случаях, когда они встречались, Аннабел вела себя с Хантом крайне холодно, отвергая всякие попытки завести разговор и отказывая в приглашении на танец. Но он почему-то не обижался. Наоборот, его искренне веселило ее презрение. Мало того, ей всегда хотелось съезжиться под его откровенно оценивающим взглядом. Аннабел надеялась, что со временем Хант потеряет к ней всякий интерес, но пока что он оставался раздражающе настойчивым.

Аннабел всей кожей ощутила облегчение остальных кандидаток в старые девы, когда Хант, проигнорировав их, шагнул прямо к ней.

– Мисс Пейтон, – приветствовал ее он. Его обсидиановые глаза не пропускали ничего: ни тщательно заштопанных рукавов платья, ни россыпи розовых бутонов, призванных скрыть обтрепанный вырез корсажа, ни фальшивых жемчужин, свисавших с ушей.

Аннабел ответила взглядом, исполненным ледяного вызова. Самый воздух между ними, казалось, был заряжен грозovým электричеством: еще немного, и в тесном пространстве начнут проскакивать молнии. Близость этого человека неприятно действовала на нервы, но что она могла поделать?

– Добрый вечер, мистер Хант.

– Не удостоите ли меня чести потанцевать с вами? – без всяких преамбул спросил он.

– Благодарю вас, нет.

– Почему?

– Ноги устали.

Темная бровь насмешливо выгнулась.

– С чего бы это вдруг? Вы весь вечер не вставали со стула.

Аннабел не моргнув глазом выдержала пристальный осмотр.

- Я не обязана объясняться с вами, мистер Хант.

- Пожалуй, один вальс вы вполне бы смогли выдержать.

Несмотря на все усилия оставаться спокойной, она ощутила, как дернулась щека, а губы сами собой сжались.

- Мистер Хант, - сухо процедила она, - вам никто не объяснял, насколько невежливо пытаться заставить леди сделать что-то против ее воли?

Хант едва заметно улыбнулся.

- Мисс Пейтон, если бы я когда-нибудь заботился о мнении других... не говорю уже о так называемой вежливости, то никогда бы не добился того, чего желал. Я всего лишь посчитал, что вам надоело вечно подпирать стены и захочется хотя бы ненадолго ощутить себя равной среди равных. И если этот бал пройдет по обычной программе, то мое приглашение на танец окажется единственным, полученным вами за весь вечер.

- Ах, ну кто бы мог устоять против такого обаяния, - издевательски протянула Аннабел. - Такой искусной лести! Не пойму, как только я могла вам отказать?

Глаза Ханта настороженно блеснули.

- Значит, вы потанцуете со мной?

- Нет! - резко прошипела она. - А теперь уходите. Пожалуйста.

Но вместо того чтобы сгореть от стыда после столь унижительного отказа, Хант нагло ухмыльнулся. Белые зубы ярко блеснули на загорелом лице. Сейчас он удивительно походил на пирата.

- Что такого страшного в одном танце? Я совсем неплохой партнер, и, кто знает, вам даже может понравиться.

– Мистер Хант! – возмутилась она. – При мысли о вас в качестве партнера в любом предприятии и любом деле у меня кровь застывает в жилах.

Хант нагнулся ближе и понизил голос так, что слышала только она одна:

– Прекрасно. Но, уходя, я оставляю вам пищу для размышлений, мисс Пейтон. Для вас могут настать и такие времена, когда вы не сможете позволить себе отклонить честное предложение порядочного человека вроде меня... или... даже бесчестное.

Аннабел, широко раскрыв глаза, отшатнулась, чувствуя, как гневно вспыхнули щеки, а краска ползет вниз – по шее, под корсаж. Нет, это уж слишком: просидеть у стены весь вечер, а потом подвергнуться оскорблениям презираемого ею человека.

– Мистер Хант, вы выражаетесь, как злодей в очень плохой пьесе, – бросила она, чем заработала очередную ухмылку и преувеличенно учтивый поклон.

Негодяй наконец убрался, а расстроенная Аннабел злобно прищурилась, провожая взглядом удаляющуюся спину.

Остальные дружно и облегченно вздохнули.

– Очевидно, он не понимает слова «нет», – покачала головой Лилиан.

– А что он сказал на прощание? – поинтересовалась сгоравшая от любопытства Дейзи. – Недаром ты вся покраснелась.

Аннабел рассеянно потерла серебряный футлярчик, потерла большим пальцем крошечное темное пятнышко в углу.

– Мистер Хант соизволил намекнуть, что в один прекрасный день мое положение может стать достаточно отчаянным, чтобы согласиться на предложение стать его любовницей.

Не будь Аннабел так встревожена, наверняка рассмеялась бы при виде абсолютно одинаковых, глуповато-изумленных лиц. Но вместо того чтобы

изобразить девическое возмущение или тактично переменить тему, Лилиан задала единственный вопрос, которого Аннабел никак не могла ожидать:

- Он прав?

- Да, относительно моего отчаянного положения, - признала девушка. - Но я не собираюсь становиться его, да и чьей-то еще, любовницей. Прежде чем опущусь до такого, скорее уж выйду замуж за последнего грязного фермера и стану сажать свеклу.

Лилиан улыбнулась, довольная нотками мрачной решимости в голосе Аннабел.

- Ты мне нравишься! - объявила она, развалясь на стуле и скрещивая ноги, что считалось абсолютно неприличным для дебютантки.

- Ты мне тоже нравишься, - механически отреагировала Аннабел, поскольку правила этикета требовали подобного ответа, но, едва слова сорвались с языка, с удивлением поняла, что это чистая правда.

- Ужасно не хотелось бы видеть, как ты тащишься за мулом и плугом по свекольному полю, ты предназначена для более высокой участи.

- Согласна, - кивнула Аннабел. - И что ты предлагаешь?

Хотя вопрос был абсолютно риторическим, Лилиан, похоже, приняла его всерьез.

- Я как раз к этому подхожу. До того как нас прервали, я собиралась сделать предложение. Нужно заключить договор о помощи друг другу в охоте на мужа. Если холостые джентльмены не гонятся за нами, значит, следует гоняться за ними. Процесс будет куда более эффективным, если мы объединим силы, вместо того чтобы сражаться поодиночке. Начнем с самой старшей - то есть с тебя, Аннабел, а закончим младшей.

- Вряд ли это выгодно мне, - запротестовала Дейзи.

- Зато справедливо, - отрезала сестра. - У тебя больше времени, чем у нас.

– Какую именно помощь ты имеешь в виду? – удивилась Аннабел.

– Какая понадобится, – буркнула Лилиан, принимаясь энергично царапать что-то в своей бальной карточке. – Будем исправлять слабости и недостатки друг друга и давать необходимые советы и содействие. Будем как одна команда раундерз[1] – Упрощенный вид бейсбола, напоминающий русскую лапту. Популярен среди учеников привилегированных частных школ. – Здесь и далее примеч. пер.]

Аннабел скептически покачала головой:

– Имеешь в виду игру, в которой джентльмены по очереди колотят кожаный мяч плоской битой?

– И не только джентльмены, – сообщила Лилиан. – В Нью-Йорке леди тоже могут играть. Самое главное при этом – не забываться.

– Как в тот раз, когда Лилиан так расстроилась, не попав по мячу, что вытащила из земли столбик для ворот, – хитро ухмыльнулась Дейзи.

– Он уже шатался, – запротестовала сестра. – И мог представлять опасность для других игроков.

– Тем более когда ты швырнула столбик прямо в них, – добавила Дейзи, мило улыбаясь нахмуренной сестре.

Проглотив смешок, Аннабел перевела взгляд на озадаченную Эви. Как легко понять, о чем она думает: американкам придется долго и упорно трудиться, изучая этикет, прежде чем холостые аристократы обратят на них внимание. А вот и сестры Боумен... невозможно не улыбнуться при виде этих выжидающих лиц. Совсем нетрудно представить, как эта парочка с задранными до колен юбками носится по полю, размахивая битами. Интересно, все ли американки такие смелые? Любая из сестер Боумен способна до смерти напугать того порядочного английского джентльмена, который осмелится приблизиться к ним.

– Почему-то я никогда не рассматривала охоту на мужа как спортивную игру, – с сомнением заметила она.

– А стоило бы, – решительно заявила Лилиан. – Подумай сама, как мы сильны вместе! Единственная сложность может возникнуть, если две одновременно заинтересуются одним мужчиной... но это маловероятно, учитывая наши противоречивые вкусы.

– В таком случае нужно условиться: никогда не соперничать из-за одного мужчины, – вставила Аннабел.

– И б-более того, – неожиданно добавила Эви, – мы никому не должны причинять зла, потому что так нехорошо.

– Весьма откровенное заявление, – одобрительно кивнула Лилиан.

– Думаю, она права, Лилиан, – возразила неверно понявшая сестру Дейзи. – Ради всего святого, не запугивай бедную девочку.

– Я сказала «нелицеприятное», а не «лицемерное», дурочка ты этакая, – раздраженно прошипела Лилиан.

Аннабел поспешила вмешаться, прежде чем эти две поссорятся:

– В таком случае мы все должны выработать план действий: что хорошего, если мы передеремся из-за пустяков!

– И мы научим друг друга всему, что знаем, – обрадовалась Дейзи.

– Д-даже интимным деталям? – застенчиво осведомилась Эви.

– Особенно интимным деталям.

Лилиан сухо улыбнулась и многозначительно оглядела наряд Аннабел.

– Твоя одежда ужасна, – без обиняков объявила она. – Я подарю тебе пару-тройку своих платьев. У меня полные сундуки туалетов, которые я ни разу не надевала. Они мне не нужны, а матушка ничего не заметит.

Аннабел немедленно покачала головой, благодарная за предложение и все же донельзя униженная столь публичным признанием своей бедности.

- Нет-нет, не могу принять такой подарок, хотя ты так великодушна...

- Светло-голубое с сиреневой отделкой, - не слушая, пробормотала Лилиан, - помнишь, Дейзи?

- О, на ней оно будет смотреться божественно! - с энтузиазмом воскликнула сестра. - Оно пойдет ей куда больше, чем тебе.

- Премного благодарна, - парировала Лилиан с комически оскорбленным видом.

- Но я... - продолжала отнекиваться Аннабел.

- И зеленое муслиновое с белым кружевом на корсаже, - продолжала Лилиан.

- Но не могу же я забрать у тебя платья, - тихо взмолилась Аннабел.

Девушка подняла голову от своих заметок:

- Почему нет?

- Прежде всего мне нечем тебе заплатить, да и ни к чему все это. Пышными перьями не замаскируешь отсутствие приданого.

- А, деньги, - отмахнулась Лилиан с небрежностью человека, у которого их полно. - Ты отплатишь мне, дав нечто бесконечно более ценное, чем наличные. Научишь меня и Дейзи, как... ну, как больше походить на тебя. Что уместно говорить и делать в тех или иных обстоятельствах, все те негласные правила, которые мы, похоже, нарушаем по сто раз на дню. А вдруг ты даже сможешь нам найти поручительницу! И тогда мы сможем войти во все те двери, которые пока что для нас закрыты. Что же до отсутствия приданого... ты просто поймаешь на крючок какого-нибудь богача. Остальные помогут загнать его в угол.

Аннабел от удивления едва не раскрыла рот.

- Ты, смотрю, не шутишь!

- Еще бы! - оживилась Дейзи. - Какое облегчение для нас! Хоть какое-то занятие, вместо того чтобы, как идиоткам, торчать у стены! Мы с Лилиан просто сходим с ума от тоски!

- Я т-тоже, - кивнула Эви.

- Ну...

Аннабел переводила взгляд с одного оживленного лица на другое, не в силах сдержать ухмылку.

- Если все трое согласны, тогда и я за. Но не следует ли нам подписать договор кровью или чем-то в этом роде?

- Господи, ни за что! - воскликнула Лилиан. - Просто заключим устное соглашение, и на этом все. - Она весело взмахнула бальной карточкой. - Прежде всего нам следует составить список наиболее подходящих кандидатов, оставшихся от прошлого сезона. До чего же жалкая компания! Может, записать их в порядке знатности? Начиная с герцогов?

- О, герцогов можно оставить в покое, - покачала головой Аннабел. - Лично я не знаю ни одного холостого герцога моложе семидесяти лет, и все они как один лысые и беззубые.

- Значит, ум и обаяние допустимы, а зубы - обязательны? - ехидно спросила Лилиан.

- Зубы допустимы, - засмеялась Аннабел, - но крайне предпочтительны.

- Ладно, - согласилась Лилиан, - пропускаем замшелых старых герцогов и переходим к графам. Скажем, лорд Уэстклиф.

- Только не он, - поморщилась Аннабел. - Не человек, а абсолютно бесчувственная, холодная рыба. И не обращает на меня внимания. Во время

первого сезона я едва не бросалась ему на шею, а он смотрел на меня, как на камешек, случайно застрявший в подошве.

- В таком случае забудем Уэстклифа.

Лилиан вопросительно подняла брови:

- Как насчет лорда Сент-Винсента? Молод, холост, красив, как смертный грех...

- Не пойдет, - перебила Аннабел. - Какой бы непристойной ни оказалась ситуация, Сент-Винсент никогда не делает предложения. Он скомпрометировал, соблазнил и обесчестил не менее чем с полдюжины женщин. И не знает, что такое благородство и долг...

- Тогда граф Эглинтон, - нерешительно предложила Эви. - Но он уж-жасно толстый и старый: н-не меньше пятидесяти...

- Внесите его в список, - настаивала Аннабел. - Я не могу позволить себе быть разборчивой.

- А еще виконт Роузбери, - вспомнила Лилиан, слегка нахмурясь. - Хотя он какой-то странноватый и... как это сказать... поникший, что ли?

- Главное, чтобы бумажник у него всегда оставался тугим, а все остальные части тела пусть будут поникшими, - отмахнулась Аннабел, чем вызвала смешки подруг. - Запиши его.

Игнорируя музыку и кружившиеся по залу пары, они старательно составляли список и время от времени раздражались громким смехом, вызывая любопытные взгляды окружающих.

- Тихо, - приказала Аннабел с деланой суровостью. - Не стоит, чтобы кто-то заподозрил, что мы задумали... и потом, жалкие отверженные бедняги не должны вообще смеяться.

Все постарались принять подобающее случаю серьезное выражение лица, что вызвало новый приступ смешков.

– О, посмотрите, – выдохнула Лилиан, разглядывая солидный список кандидатов в мужья. – Наконец-то наши бальные карточки заполнены. – Еще раз пробежав глазами реестр холостяков, она задумчиво поджала губы. – По-моему, кое-кто из джентльменов собирается приехать в Гемпшир, на вечер Уэстклифа в честь окончания сезона. Нас с Дейзи уже пригласили. Как насчет тебя, Аннабел?

– Я знакома с одной из его сестер. Думаю, что смогу упробить ее добыть приглашение и для меня. Стану умолять, если понадобится.

– Я замолвлю за тебя словечко, – уверенно пообещала Лилиан и, улыбнувшись Эви, добавила: – И попрошу включить в список гостей и тебя.

– Вот уж повеселимся! – воскликнула Дейзи. – Главное, наш план уже составлен. Через две недели мы вторгнемся в Гемпшир и найдем мужа для Аннабел.

Они сцепили руки, чувствуя себя молодыми, счастливыми, глупенькими и полными решимости.

«Может, и мне наконец повезет», – подумала Аннабел и, закрыв глаза, произнесла короткую молитву надежды.

Глава 2

Саймон Хант с малых лет усвоил, что, поскольку судьба не благословила его благородным происхождением, богатством и талантами, придется самому вырвать или завоевать счастье у зачастую немилосердного мира. Он был в десять раз агрессивнее и честолюбивее среднего человека, и поэтому большинство людей считали, что куда легче уступить, чем идти против него. И хотя Саймон был человеком властным, а возможно, безжалостным, его сон никогда не тревожили угрызения совести. Законы природы гласили, что выживает сильнейший, так что слабым лучше было вовремя убраться с дороги.

Его отец-мясник без особого труда кормил и содержал семью из шестерых человек, и едва Саймон достаточно подрос, чтобы махать тяжелым топором, немедленно отправил его помогать в лавке. За годы нелегкого труда Саймон

вырос в мускулистого, широкоплечего парня. Все, естественно, предполагали, что со временем именно он унаследует отцовское дело, но в двадцать один год Саймон, к жесточайшему разочарованию отца, бросил все и отправился искать новые источники дохода. Впервые вложив скромные сбережения в одно из предприятий, Саймон быстро обнаружил, что его истинный дар кроется в умении делать деньги.

Саймон любил язык финансов, элементы риска, причудливое взаимодействие торговли, промышленности и политики... и почти сразу понял, что растущая сеть британских железных дорог станет главной возможностью эффективного ведения дел основными банками страны. Переводы наличных денег и ценных бумаг, создание быстро развивающихся средств вложений будут во многом зависеть от безупречного обслуживания железных дорог. Поэтому Саймон послушался своих инстинктов, вложил все до последнего цента в акции железных дорог и был вознагражден за проницательность такими огромными прибылями, что мгновенно разбогател и обратил свое внимание и на другие предприятия. Теперь, в тридцать три года, он владел контрольными пакетами трех компаний-производителей, фабрикой по сборке локомотивов, занимавшей площадь в девять акров, и судовой верфью. Стал гостем, хоть и не слишком желанным, в аристократических домах, бальных залах и заседал плечом к плечу с пэрами в советах директоров шести компаний.

После многих лет неустанной работы он получил почти все, чего желал. Однако спроси его кто, счастлив ли он, Саймон ответил бы насмешливой улыбкой. Счастье, этот неуловимый результат успеха, было верным признаком самодовольства. Но Саймон по своей натуре просто не мог быть всем доволен или удовлетворен, и подобные эмоции были для него чужды.

И в то же время в самом потаенном, глубоком уголке одинокой души тлело одно желание, которое Саймон никак не мог погасить, как ни старался.

И сейчас он украдкой бросил взгляд на противоположный конец зала, ощутив, как всегда, резкий укол в сердце при виде Аннабел Пейтон. Десятки женщин были готовы на все ради него, но ни одна не произвела такого впечатления, как эта. Сила ее привлекательности заключалась не только в красоте, хотя небеса благословили ее необычайной внешностью. Таись в душе Саймона хоть малейшая склонность к романтике и поэзии, он нашел бы десятки нежных эпитетов для описания ее чар. Но он, плебей до мозга костей, не мог отыскать ни одного слова для восхваления ее прелестей и сознавал только, что при

взгляде на Аннабел, освещенную сиянием хрустальных люстр, у него слабели колени. Он так и не забыл той минуты у театра панорамы, когда увидел девушку, озабоченно рывшуюся в ридикюле. Солнце переливалось отблесками золота и меда в светло-каштановых волосах и придавало ее коже нежно-розоватое свечение. Было нечто такое восхитительное, даже трогательное в этой тоненькой фигурке, сияющих синих глазах и легкой морщинке на лбу, которую так и хотелось разгладить.

Он был совершенно уверен, что к этому времени Аннабел успеет найти себе мужа. И не важно, что Пейтонов постигли тяжкие времена! Саймон полагал, что любой аристократ в здравом уме и твердой памяти сразу поймет, какое сокровище послала ему судьба, и немедленно предложит ей руку и сердце.

Но прошло два года, и, поскольку девушка все еще оставалась под материнским кровом, в Саймоне проснулась робкая надежда. Он видел, с какой отчаянной храбростью она посвятила себя поискам мужа, с каким самообладанием носила нищенские платья, с каким достоинством держится, несмотря на отсутствие приданого. Ее упорство воскрешало в памяти образ профессионального игрока, разыгрывавшего последние козыри в заведомо проигрышной игре. Аннабел была умна, осторожна, бескомпромиссна и по-прежнему прекрасна, хотя угроза бедности успела наложить на нее свой отпечаток, заметный в жестком взгляде и плотно сжатых губах. Но Саймону, как настоящему эгоисту, были на руку ее финансовые трудности, создававшие возможности, которых иначе ему бы не видать.

Проблема заключалась в том, что Саймон так и не придумал, как заинтересовать Аннабел. Мало того, с каждой встречей она, казалось, все больше его ненавидела. Саймон прекрасно сознавал все недостатки своего характера. Более того, стремления стать джентльменом в нем было не больше, чем у тигра – превратиться в домашнего кота. Он был просто очень богатым человеком, страдавшим из-за того, что не мог купить желаемую вещь. Вернее, то, что жаждал больше всего на свете... Пока что он ограничивался терпеливым выжиданием, зная, что рано или поздно отчаяние подтолкнет Аннабел на поступки, ранее ей в голову не приходившие. Нужда и лишения могут представить привычные предметы и принципы в совершенно новом свете. Скоро игра Аннабел будет закончена, и она встанет перед выбором: выйти за бедняка или стать любовницей богача. А в последнем случае именно его постель будет ее прибежищем.

– Сладенькая потаскушка, верно? – заметил кто-то из стоявших рядом, и Саймон обернулся к Генри Бердику, чей отец, старый виконт, как говорили, лежал на смертном одре. Вынужденный бесконечно ждать, пока отец откинет копыта и наконец распростится с титулом и фамильным состоянием, Бердик почти все время проводил за игорным столом и в борделях. К несчастью, он сумел перехватить взгляд Саймона, направленный на Аннабел, оживленно беседовавшую с такими же кандидатками в старые девы.

– Понятия не имею, – бросил Саймон, испытывая в этот момент острую антипатию к Бердику и его приспешникам, которым с рождения подносили все привилегии на серебряном блюде и которые пальцем о палец не ударяли, чтобы оправдать неуместную щедрость судьбы.

Бердик улыбнулся. Он уже был слегка пьян, и красное одутловатое лицо покрылось крупными каплями пота.

– Зато я намереваюсь в ближайшее время это обнаружить, – сообщил он.

И не он один. Немало мужчин в этом зале следили за Аннабел с предвкушением волчьей стаи, идущей по следам раненой добычи. Как только она ослабеет достаточно, чтобы лишиться сил к сопротивлению, один из них сделает смертельный прыжок. И, как всегда в природе, победит самый сильный.

Тень улыбки заиграла на жестких губах Саймона.

– Вы меня поражаете. Я бы мог предположить, что печальная участь леди потребует от джентльменов вашего сорта галантности и великодушия, а вместо этого вы питаете непристойные надежды, которых скорее следовало бы ожидать от мужланов моего сорта.

Бердик тихо рассмеялся, не разглядев хищного блеска в глазах собеседника.

– Леди или нет, но ей придется выбрать одного из нас, когда ее средства окончательно истощатся.

– Но почему никто из вас не предложит ей руку? – лениво осведомился Саймон.

– Господи, зачем? – удивился Бердик, плотоядно облизываясь. – Кому нужно жениться на девчонке, которую скоро можно будет купить по вполне разумной цене?

– Может, она слишком благородна, чтобы согласиться на нечто подобное?

– Сомневаюсь, – жизнерадостно возразил молодой аристократ. – Такая красивая и бедная женщина не может позволить себе такую роскошь, как благородство. Кроме того, ходят слухи, что она уже ублажает лорда Ходжема.

– Ходжема?

Саймон от неожиданности растерялся, но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

– Кто пустил эту сплетню?

– О, карету Ходжема видели около дома Пейтонов в самые неподходящие часы, и, если верить кредиторам, он иногда оплачивает их счета, – сообщил Бердик, радостно фыркая. – Согласитесь, ночь между этих прелестных ножек стоит таких расходов, как вы считаете?

В Саймоне огнем вспыхнуло мгновенное убийственное желание отделить голову Бердика от тела. И непонятно, какая часть безумной, почти исступленной ярости подогревалась образом Аннабел Пейтон, ласкающей эту свинью Ходжема, и какая была вызвана нескрываемым наслаждением, с которым Бердик смаковал слухи, бывшие, скорее всего, наглой ложью.

– Я сказал бы, что, если вам так уж не терпится очернить репутацию дамы, – зловеще учтивым тоном начал Саймон, – не мешало бы иметь при этом неопровержимые доказательства своих слов.

– Иисусе, но ведь сплетни не требуют доказательств, – возразил Бердик, лукаво подмигнув. – А время вскоре выявит истинную натуру леди. У Ходжема просто не хватит средств на содержание такой красотки: рано или поздно она потребует больше, чем он способен дать. Предсказываю, что в конце сезона она уплывет к парню с карманами потуже.

– То есть моими, – мягко добавил Саймон.

Бердик потрясенно мигнул. Улыбка слиняла с физиономии: очевидно, он не верил собственным ушам.

– Что за...

– Два года я наблюдал, как вы и орава кретинов, с которыми вы общаетесь, вожделили эту девушку, – процедил Саймон. – Считайте, что отныне вы потеряли свой шанс.

– Потерял свой... Что вы хотите этим сказать? – негодуяще спросил Бердик.

– То, что я причиню не только физическую, но и моральную боль, не говоря уже о финансовых потерях, первому же, кто осмелится охотиться на моей территории. А тому, кто следующим повторит слухи, порочащие мисс Пейтон, я заткну их в глотку своим кулаком, – объяснил он, оскалив зубы в тигриной усмешке. – Да, и передайте это каждому, кто, так или иначе, заинтересован в даме.

С этими словам он спокойно удалился, оставив напыщенного подонка смотреть ему вслед с открытым ртом.

Глава 3

Вернувшись домой с престарелой кузиной, обычно сопровождавшей ее на балы, Аннабел неторопливо вошла в пустой, выложенный каменными плитами холл и замерла при виде цилиндра, стоявшего на полукруглом столе с зубчатыми краями, придвинутом к стене. Дорогой серый цилиндр с лентой из темно-красного атласа, резко отличавшийся от обычных черных шляп, которые, как правило, носили джентльмены. Слишком часто видела Аннабел этот цилиндр, притаившийся на столе, как свернувшаяся кольцами змея.

Рядом была прислонена модная трость с усаженным бриллиантами набалдашником. Аннабел с трудом сдержала живейшее желание смять тулью цилиндра ударом трости, предпочтительно когда вышеуказанный головной убор

будет украшать голову своего хозяина. Но вместо этого с тяжелым вздохом стала подниматься вверх, мрачно сдвинув брови.

Она как раз добралась до площадки второго этажа, когда из гостиной вышел грузный мужчина и уставился на нее с невыносимо наглой ухмылкой, облизывая губы. Лицо покраснелось от чрезмерных возлияний, вздыбленная прядь зачесанных поперек лысины волос болталась, как петуший гребень.

– Лорд Ходжем, – сухо приветствовала Аннабел, проглотив комок унижения и ярости, застрявший в горле. Ходжем был одним из немногих в мире людей, которых она искренне ненавидела. Так называемый друг покойного отца, Ходжем посещал их дом не слишком часто, но никогда днем и в установленные для визитов часы. Он приезжал поздно ночью и вопреки правилам приличия проводил время наедине с Филиппой, матерью Аннабел, в ее комнате, за закрытыми дверями. И Аннабел не могла не заметить, что после его визитов самые неотложные счета каким-то таинственным образом оплачивались, а разгневанные кредиторы успокаивались и переставали донимать семейство Пейтон. Но Филиппа неизменно становилась нервной, раздражительной и молчаливой.

Аннабел с трудом верила, что мать, слывшая женщиной порядочной и строгих правил, способна продавать свое тело за жалкие подачки, и все же это было единственным разумным объяснением, наполнявшим девушку стыдом и яростью. Но гнев был направлен не на мать, скорее на то положение, в котором они очутились по воле судьбы. И на себя, что до сих пор не смогла заполучить мужа. Слишком много времени ушло на то, чтобы понять: какой бы красивой и очаровательной она ни была, как бы искренне ни интересовались ею мужчины, предложения она не получит. По крайней мере, пристойного.

С самого своего дебюта Аннабел постепенно пришла к выводу, что мечты о красивом, воспитанном поклоннике, который влюбится в нее и решит все проблемы, были всего лишь наивной фантазией. Окончательное разочарование наступило во время третьего сезона. И теперь, к концу четвертого, непривлекательный образ Аннабел – фермерской жены – становился все реальнее.

Аннабел с каменным лицом попыталась молча пройти мимо Ходжема. Но на плечо легла мясистая рука. Аннабел, дрожа от омерзения, отпрянула так порывисто, что едва не упала.

– Не касайтесь меня, – прошипела она, злобно глядя в багровую физиономию, на которой ярко выделялись голубые глаза.

Ходжем с ухмылкой опустил ладонь на перила, не давая ей подняться на площадку.

– Так негостеприимна, – пропищал он неестественно высоким голосом, которым природой часто награждает высоких мужчин. – После всего, что я сделал для вашей семьи...

– Вы ничего для нас не сделали, – сухо перебила Аннабел.

– Да если бы не моя щедрость, вас выкинули бы на улицу еще два года назад.

– И вы предлагаете, чтобы я кланялась и благодарила, – брезгливо бросила Аннабел. – Грязный стервятник!

– Я не взял ничего силой. Все было предложено мне добровольно, – хмыкнул Ходжем, сжимая ее подбородок. Влажные толстые пальцы, словно дождевые черви, скользнули по нежной коже, и Аннабел невольно сжалась. – Говоря по правде, все это не очень интересно. Твоя мать, на мой вкус, слишком ручная.

Он наклонился ближе, и запах застарелого пота, который не мог перебить даже сильный аромат дорогого одеколona, ударил в ноздри Аннабел.

– Может, в следующий раз я возьмусь за тебя, – пробормотал он, вне всякого сомнения, ожидая, что девушка заплачет, покраснеет или взмолится. Но вместо этого она пронзила его ледяным взглядом.

– Тщеславный старый дурак, – спокойно ответила она. – Пожелай я стать чьей-то любовницей, неужели не нашла бы кого-то получше?

Ходжему удалось изобразить улыбку, хотя Аннабел с удовольствием заметила, что это потребовало некоторых усилий.

– Не слишком мудро с твоей стороны наживать врага вроде меня. Не сомневайся, я сумею донести до нужных людей те слова, которые окончательно уничтожат вашу семью без всякой надежды на будущее, – прошипел он и, беззастенчиво разглядывая потертую ткань ее корсажа, презрительно улыбнулся. – На твоём месте я не был бы так высокомерен, особенно когда одеваешься в обноски и фальшивые драгоценности.

Аннабел вспыхнула и рассерженно оттолкнула руку, тянущуюся к ее корсажу. Ходжем, весело хмыкнув, стал спускаться вниз. Аннабел молча выжидала. Услышав стук входной двери, она сбежала в холл, повернула ключ в замке, оперлась ладонями о массивную дубовую панель и прислонилась к ней лбом. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла отдышаться.

– Ну это уже предел, – пробормотала она, дрожа от ярости. Больше никаких Ходжеев, никаких неоплаченных счетов... довольно они все страдали. Необходимо как можно скорее найти мужа, и охота с последующими празднествами, которые устраивает граф в Гемпшире, – самая подходящая для этого возможность. Но если ничего не удастся...

Она медленно скользнула руками по панели, оставляя влажные следы. Что же, если ничего не удастся, она всегда может стать содержанкой. Хотя никто не хочет бесприданницу в жены, немало джентльменов готовы жить с ней в грехе. Если умно себя поведи, можно заработать целое состояние. Но как страшно представить, что ее больше никогда не примут в порядочном обществе... что бывшие подруги ее отринут и перестанут здороваться, что ее будут ценить только за постельные таланты. Конечно, можно жить в добродетельной бедности: шить, стирать белье или стать гувернанткой, что бесконечно более опасно, ибо молодая женщина в этой должности становится легкой добычей любого негодяя. Да и жалованья будет недостаточно, чтобы прокормить мать или Джереми, которому тоже придется идти работать. Похоже, моральные принципы им не по карману. Они живут в карточном домике, и малейшее сотрясение вызовет катастрофу.

Наутро Аннабел сидела за завтраком, сжимая фарфоровую чашку ледяными пальцами. Хотя чаю больше не осталось, все же стенки еще хранили тепло. В глазури темнела крошечная щербинка, и Аннабел машинально терла ее большим пальцем. Заслышав шаги матери, она не подняла глаз.

– Чаю? – спросила она глухо и, услышав согласие, наклонила чайник над второй чашкой и добавила небольшой кусочек сахара и побольше молока.

– Я больше не пью чай с сахаром, – объявила Филиппа. – Предпочитаю несладкий.

День, когда мать разлюбит сладкое, будет именно тем, когда в аду начнут подавать воду со льдом.

– Для твоего чая мы еще можем покупать сахар, – возразила Аннабел, размешивая чай ложкой и ставя перед матерью. Как и ожидалось, Филиппа выглядела мрачной и осунувшейся: очевидно, угрызения совести не давали ей покоя. Когда-то Аннабел посчитала бы невероятным, что ее ослепительная красавица мать, всегда веселая и жизнерадостная, может быть такой несчастной и угнетенной.

Глядя в напряженное лицо матери, Аннабел вдруг сообразила, что и у нее самой такой же измученный вид, а губы сжаты так же плотно.

– Как прошел бал? – спросила Филиппа, поднося чашку так близко, что пар скрыл ее черты.

– Как всегда, неудачно, – обронила Аннабел, смягчая откровенность ответа намеренно беспечным смехом. – Единственный человек, пригласивший меня на танец, оказался мистером Хантом.

– Господи боже, – пробормотала Филиппа, от неожиданности обжегшись чаем. – И ты согласилась?

– Конечно, нет. Какой в этом смысл? Когда он смотрит на меня, сразу становится ясно, что на уме у него все, что угодно, кроме женитьбы.

– Даже такие люди, как он, рано или поздно женятся, – возразила Филиппа, поднимая голову. – И ты была бы идеальной женой для него... возможно, сумела бы благотворно повлиять и облегчить дорогу в высшее общество...

– Иисусе, мама, похоже, ты поощряешь меня принять его ухаживания?!

- Нет...

Филиппа схватила ложку и принялась нервно помешивать чай.

- Разумеется, нет, если ты находишь мистера Ханта неприемлемым. Однако если бы тебе удалось привести его к алтарю, мы были бы неплохо обеспечены до...

- Он не из тех, кто женится, мама, и все это знают. Как бы я ни лезла из кожи вон, все равно не получу от него предложения, - пробормотала Аннабел, роясь в сахарнице крошечными, потемневшими от времени серебряными щипчиками в поисках самого маленького кусочка. Вынула крошку коричневого сахара, опустила в чашку и долила свежего чая.

Филиппа допила свой и, старательно отводя глаза, перешла к теме, которая, к сожалению, имела непосредственное отношение к предыдущей:

- У нас нет денег, чтобы продержать Джереми в школе следующий семестр. Я два месяца не платила слугам. А счета накапливаются...

- Да, я все это знаю, - перебила Аннабел, слегка краснея от раздражения. - И найду мужа, мама. Очень скоро.

Ей даже удалось растянуть губы в улыбке.

- Как насчет путешествия в Гемпшир? Теперь, когда сезон заканчивается, многие люди уедут из Лондона в поисках новых развлечений. Лорд Уэстклиф устраивает охоту в своем загородном поместье.

Филиппа встрепенулась и настороженно уставилась на дочь.

- Я и не знала, что мы получили приглашение от графа.

- Не получали. Пока. Но получим... и у меня предчувствие, что в Гемпшире нас ждет что-то хорошее.

Глава 4

За два дня до отъезда в Гемпшир посыльный привез гору картонок и пакетов. Лакею пришлось трижды спускаться, чтобы перетащить их в комнату Аннабел, и теперь все это добро громоздилось рядом с кроватью. Осторожно открыв и развернув все, что можно, Аннабел обнаружила не менее полдюжины платьев, абсолютно новых и неношенных... шелковая тафта и муслины всех цветов радуги, жакеты в тон, подбитые мягкой, как масло, замшей, и бальное платье из тяжелого шелка цвета слоновой кости с каскадами тонкого бельгийского кружева в вырезе корсажа и на рукавах. Кроме этого, Лилиан позаботилась прислать перчатки, шали, шарфы и шляпы такого качества и такой красоты, что Аннабел едва не заплакала. Все это, должно быть, стоило целого состояния, и хотя для девиц Боумен расходы казались незначительными, для Аннабел дар был бесценным.

Схватив приложенную к пакетам записку, она сломала восковую печать и прочла несколько строчек, написанных твердым, почти неженским почерком:

«Это от твоих фей-крестных, именуемых иначе Лилиан и Дейзи. За успешную охоту в Гемпшире!»

P. S. Надеюсь, ты не собираешься удрать в кусты?

Аннабел улыбнулась и набросала ответ:

«Дорогие феи-крестные, храбрость – это единственное, что у меня осталось. Бесконечно благодарна за присланное. Я впала в настоящий экстаз при одной мысли о том, что снова смогу носить нарядные платья. Любовь к красивым вещам – один из моих многочисленных недостатков.

Ваша преданная Аннабел.

P. S. Однако я возвращаю туфли, поскольку они слишком малы. А я еще слышала, будто у всех американок большие ноги!»

«Дорогая Аннабел!

Любить красивые вещи – разве это недостаток? Должно быть, так считают англичане, но мы уверены, что подобное никому в Манхэттенвилле не пришло бы в голову. Кстати, насчет ног: мы собираемся заставить тебя поиграть с нами в раундерз в Гемпшире. Тебе понравится колотить битой по мячу. Поверь, на душе сразу становится легче».

«Дорогие Лилиан и Дейзи! Я согласна на раундерз, если вы уговорите Эви, в чем сильно сомневаюсь. И хотя? пока не попробуешь, не узнаешь, думаю, что много чего на свете радует больше, чем удары палкой по мячу. Например, обретение мужа...

Кстати, а в чем играют в раундерз? В платьях для прогулок?»

«Дорогая Аннабел, мы играем в панталонах, разумеется. В юбках бегать невозможно».

«Дорогие Лилиан и Дейзи!

Я правильно прочитала? Вы имеете в виду нижнее белье? Но не можете же вы серьезно предлагать, чтобы мы бегали по лугу в панталонах, как дети дикарей...»

«Дорогая Аннабел! Мы абсолютно серьезны. И только так можно играть в раундерз. Кстати, Эви согласилась».

«Дорогая Эви!

Я не поверила глазам, когда сестры Боумен сообщили, что ты готова играть в раундерз в одних панталонах! Ты действительно не против? Я надеялась, что хотя бы ты откажешься, поскольку поставила свое участие в зависимость от твоего».

«Дорогая Аннабел!

Я просто уверена, что дружба с Боуменами поможет мне излечиться от злосчастной застенчивости, а поэтому раундерз-в-панталонах – лучший способ начать лечение. Я шокировала тебя? Я, которая никогда в жизни не шокировала никого, даже себя! Надеюсь, на тебя произвела впечатление моя готовность оказаться в гуще событий».

«Дорогая Эви!

Не только произвела, но и развеселила, а также навела на размышления о том, в какой еще переплет нам предстоит попасть благодаря милым сестричкам. И где, спрашивается, мы отыщем место, где можно без посторонних глаз играть в панталонах? Да, я ужасно шокирована, бесстыдница ты этакая».

«Дорогая Аннабел, я начинаю верить, что существуют два типа людей: те, которые предпочитают быть хозяевами собственной судьбы, и те, кто сидит на стульях, пока остальные танцуют. Я предпочитаю принадлежать к первым. А насчет того, где и когда состоится игра в раундерз, пусть заботятся Боумены».

С любовью

Эви, ужасная бесстыдница.

В суматохе переписки Аннабел начала испытывать то, что успела давно забыть: удовольствие иметь друзей. Поскольку прежние подруги давно стали женами и

матерями, ведя размеренное существование замужних матрон, она осталась одна. Репутация старой девы, не говоря уже о полном безденежье, создала пропасть, через которую ни одна дружба не способна перекинуть мостик. За последние несколько лет она так привыкла надеяться исключительно на себя, что даже старалась избегать общества девушек, с которыми когда-то вместе хихикала, болтала и делилась секретами.

Однако теперь она сразу приобрела трех подруг, с которыми имела нечто общее, несмотря на абсолютно различное происхождение и воспитание. Но все они молоды, у каждой свои надежды, мечты и страхи, каждая слишком хорошо знакома с видом начищенных черных туфель очередного джентльмена, шагающего мимо их стульев на поиски более завидной добычи. Вечно сидящим у стенки изгоям нечего терять, если они помогут друг другу. Зато выгода очевидна.

Аннабел задумчиво принялась укладывать в саквояж коробки с новыми перчатками.

– Аннабел, – окликнула мать с порога, – я хочу кое о чем спросить тебя, но ты должна ответить честно и откровенно.

– Я никогда не лгала тебе, мама, – удивилась Аннабел, поднимая голову. И, как всегда, сознание вины при виде прелестного озабоченного лица Филиппы больно ударило в сердце. Господи, как же она устала от постоянных угрызений совести, своих и матери! При мысли о том, какую жертву она принесла, отдавшись лорду Ходжему, Аннабел чувствовала отчаяние и жалость. И все же ей невольно приходило на ум, что если уж Филиппа выбрала такую судьбу, почему по крайней мере не могла устроиться, как подобает настоящей содержанке, вместо того чтобы довольствоваться жалкими подачками Ходжема?

– Откуда взялась эта одежда? – дрожащим голосом спросила Филиппа, глядя в глаза дочери. Аннабел нахмурилась.

– Я уже говорила, мама. Подарок Лилиан Боумен. Почему ты так на меня смотришь?

– Подарок Лилиан? Не мужчины? Может, это мистер Хант оказал такую любезность?

Аннабел даже рот раскрыла от удивления.

- Ты... так ты спрашиваешь, не могла ли я... с ним?! Иисусе! Даже если бы мне это и пришло в голову, каким образом и когда? Сама подумай, имела ли я такую возможность? И откуда, ради всего святого, ты это взяла?

Мать продолжала спокойно смотреть на нее, не мигая.

- Ты слишком часто упоминала мистера Ханта в этом сезоне. Гораздо чаще, чем любого джентльмена. А эти платья, очевидно, очень дороги...

- Они не от него, - твердо заверила Аннабел.

Филиппа, казалось, успокоилась, но в глазах по-прежнему светился вопрос. Не привыкшая к тому, что кто-то смотрит на нее с подозрением, Аннабел надела шляпку набекрень и улыбнулась.

- Платья прислала Лилиан, - повторила она.

Содержанка Саймона Ханта...

Аннабел повернулась к зеркалу и увидела свое странно застывшее лицо. Похоже, мать права: в последнее время она только и говорит что о Ханте. Но ведь она и вправду думает о нем после каждой встречи. Ни один из ее знакомых джентльменов не обладал коварной притягательностью Ханта. Ни один не проявлял к ней такого неподдельного интереса. И теперь, в самом конце очередного провального сезона, она вдруг обнаружила, что размышляет о вещах, которые ни одна порядочная молодая женщина даже знать не должна. Аннабел понимала, что без особых усилий может пойти на содержание к Ханту и все ее беды будут забыты. Он богат и даст ей все, чего она только не пожелает, заплатит долги ее семьи, осыплет нарядами и драгоценностями, подарит собственный экипаж, дом... а в обмен за это ей придется с ним спать.

У Аннабел похолодело в животе. Она представила себя в постели с Саймоном Хантом, вообразила все, что он от нее потребует... его руки на ее теле, его губы...

Залившись краской, она постаралась выбросить из головы крамольные мысли и стала теревить шелковую розу на шляпке. Если она станет содержанкой Ханта, он полностью завладеет ею в постели и в жизни, а ей даже подумать противно, что она окажется в его власти.

Откуда-то послышался издевательский голосок:

«Неужели твоя честь так тебе дорога? Дороже, чем безопасность и спокойная жизнь семьи? И твое собственное выживание?»

- Да, - выдохнула Аннабел, глядя в свое бледное решительное лицо. - Сейчас все обстоит именно так.

Но кто знает, что будет дальше? А до тех пор, пока не умерла последняя надежда, в ней еще осталось уважение к себе... и она будет бороться, чтобы его сохранить.

Глава 5

Вполне понятно, почему название «Гемпшир» произошло от староанглийского слова «гемм», означающего заливной луг. В графстве было множество таких лугов, не говоря уже о густых лесах, которые когда-то были королевскими охотничьими угодьями, а также зеленых долинах и реках, полных форели. Гемпшир по праву считается раем для рыболовов и охотников. Поместье графа Уэстклифа, Стоуни-Кросс-Парк, сияло словно драгоценный камень посреди плодородной долины, где через акры и акры рощ и лесов текла широкая река. Казалось, здесь всегда полно гостей, поскольку Уэстклиф был не только гостеприимным хозяином, но и заядлым охотником.

Судя по мнению окружающих, лорд Уэстклиф вполне заслужил репутацию человека безупречной чести и высоких принципов. Его никогда не касалась и тень скандала. Мало того, он терпеть не мог интриг и развращенности лондонского общества и много времени проводил в поместье, исполняя свой долг и заботясь об арендаторах. Иногда он приезжал в Лондон, если этого требовали интересы, деловые или политические. Именно в один из таких

приездов на званом вечере его представили Аннабел. Не обладавший классической красотой, Уэстклиф тем не менее был довольно привлекательным человеком и при своем среднем росте обладал мускулистой фигурой истинного спортсмена и неистощимой энергией. Все это вместе с огромным состоянием и одним из старейших титулов королевства делало его самым завидным женихом Англии. Аннабел, естественно, не теряя времени, немедленно начала флиртовать с ним, но Уэстклиф, давно привыкший к такому вниманию со стороны слабого пола, сразу распознал охотницу за мужьями и сказал это ей в лицо, что больно ранило девушку, хотя и было правдой.

С тех пор она старалась избегать Уэстклифа, но искренне любила его младшую сестру, леди Оливию, мягкосердечную девицу, ровесницу Аннабел, чье прошлое было запятнано скандалом. Именно благодаря леди Оливии Аннабел и Эви получили приглашения на охоту. Следующие три недели как четвероногую, так и двуногую добычу будут преследовать.

– Миледи! – воскликнула Аннабел при виде вышедшей навстречу леди Оливии. – Как любезно с вашей стороны пригласить нас! Лондонская атмосфера становится положительно удушливой; свежий воздух Гемпшира – именно то, что необходимо нам.

Леди Оливия улыбнулась. Миниатюрная, с не слишком выразительным личиком, сегодня она, однако, казалась почти хорошенькой и так и сияла счастьем. По словам Лилиан и Дейзи, она была помолвлена с американским миллионером.

«Это брак по любви?» – спрашивала Аннабел в своем последнем письме, и Лилиан уверила, что так оно и есть.

«Однако, – добавила она, – мой отец утверждает, что брак между двумя семьями определенно принесет лорду Уэстклифу финансовые выгоды, и именно поэтому он и дал разрешение».

Для графа романтика была далеко не так важна, как практические соображения.

Возвратясь мыслями к настоящему, Аннабел искренне улыбнулась, когда леди Оливия порывисто сжала ее руки.

– О, вы именно то, что нам необходимо! – со смехом воскликнула она. – Дом просто кишит мужчинами, жаждущими поохотиться, поэтому мне пришлось уведомить графа, что я вынуждена пригласить нескольких женщин во имя сохранения цивилизованной атмосферы. Пойдемте, я покажу вам комнаты.

Подхватив подол нового муслинового платья цвета сомон, тоже полученного от Лилиан, Аннабел последовала за леди Оливией в холл.

– Как поживает лорд Уэстклиф? – осведомилась она, поднимаясь по парадной лестнице. – Надеюсь, он в добром здравии?

– Благодарю вас, мой брат здоров, хотя доводит себя до изнеможения подготовкой к моей свадьбе. Он старается предусмотреть каждую мелочь.

– О, это лишний раз показывает его любовь к вам, – заметила Филиппа.

Леди Оливия сухо усмехнулась:

– Скорее потребность управлять всем и вся, контролировать каждый мой шаг. Боюсь, ему не так легко будет найти невесту, у которой хватит воли справиться с ним.

Поймав многозначительный взгляд матери, Аннабел слегка качнула головой. Не стоит поощрять надежды Филиппы на графа. Однако...

– О, я как раз знаю очаровательную и одновременно сильную духом девушку, которая еще не успела выйти замуж, – сообщила она. – Кстати, она американка.

– Вы говорите об одной из сестер Боумен? – улыбнулась леди Оливия. – Я еще не знакома с ними, хотя их отец как-то гостил в Стоуни-Кросс.

– Поверьте, обе сестры восхитительны во всех отношениях, – заверила Аннабел.

– Превосходно! – воскликнула леди Оливия. – Кто знает, может, мы еще найдем партию для моего братца!

Поднявшись на второй этаж, женщины остановились посмотреть на людей, столпившихся в холле.

– Боюсь, здесь соберется не так много холостяков, как хотелось бы, – вздохнула леди Оливия, – но все же кое-кто есть. Взять хотя бы лорда Кендалла. Если хотите, я представлю его при первой же возможности.

– Спасибо, это было бы совсем неплохо.

– К сожалению, он человек довольно скрытный и сдержанный, – добавила хозяйка, – и вряд ли способен привлечь внимание такой энергичной девушки, как вы, Аннабел.

– Напротив, – поспешно возразила Аннабел, – я нахожу сдержанность одним из самых привлекательных качеств в мужчине. Джентльмены, умеющие держаться с достоинством, куда приятнее тех, кто вечно пыжится и хвастает.

«Вроде Саймона Ханта, – подумала она мрачно. – Уж он-то весьма высокого мнения о себе. Слушать противно!»

Но прежде чем леди Оливия успела ответить, Аннабел заметила высокого золотоволосого джентльмена, появившегося в холле. Он стоял, спокойно прислонившись к колонне. Аннабел сразу поняла, что он американец. Его выдавали беспечная ухмылка, блеск голубых глаз и небрежная манера носить элегантную одежду. Более того, леди Оливия покраснела и тяжело задышала. Значит, недаром он смотрел на нее так пристально!

– Прошу извинить меня, – рассеянно пробормотала она. – Я... мой жених... кажется, я ему нужна.

И она уплыла, успев мечтательно бросить через плечо, что им отведена пятая комната справа. Тут же появилась горничная, чтобы проводить гостей, и Аннабел тяжело вздохнула.

– Помяни мое слово, за лорда Кендалла начнется жестокое соперничество, – протянула она. – Надеюсь, его еще не успели перехватить.

– Но не один же он тут холостяк, – возразила Филиппа. – Не надо забывать о лорде Уэстклифе.

– О, на это надеяться не стоит, – отрезала Аннабел. – При первой встрече я определенно не смогла произвести впечатления на графа.

– И я до сих пор считаю, что он совершил жестокую ошибку в суждении! – негодуяще воскликнула мать.

Аннабел, улыбаясь, сжала ее руку:

– Спасибо, мама. Но мне лучше избрать более подходящую цель.

Гости продолжали прибывать. Некоторые немедленно уходили в отведенные им покои, чтобы в ожидании ужина и последующих танцев поспать днем. Любительницы позлословить собирались в гостиной и карточной комнате, пока джентльмены играли в бильярд или курили в библиотеке.

Когда горничная закончила развешивать вещи, Филиппа решила немного подремать. Спальня была небольшой, но прелестной, оклеенной французскими обоями с цветочным рисунком и со светло-голубыми шелковыми гардинами на окнах.

Слишком возбужденная и охваченная нетерпением, чтобы заснуть, Аннабел решила, что сестры Боумен и Эви, скорее всего, уже успели приехать. Но и они наверняка захотят отдохнуть после поездки.

Поэтому Аннабел, чтобы переждать несколько часов вынужденного безделья, решила погулять в саду. День выдался теплым и солнечным, а ей так хотелось размять ноги после долгого сидения в экипаже. Переодевшись в голубое муслиновое платье для прогулок с забранной крошечными бантовыми складками юбкой, она вышла из комнаты, спустилась вниз, выскользнула через боковую дверь и оказалась на залитом светом газоне. В атмосфере Стоуни-Кросс-Парк было нечто чудесное. Легко можно было представить себя в волшебном месте, в какой-то далекой неведомой стране. Окружающий лес был так густ и огромен, что походил на первобытную рощу, а сад площадью двенадцать акров позади дома казался неправдоподобно живописным, словно нарисованным на холсте. Повсюду виднелись купы деревьев, лужайки, пруды и фонтаны. Сад словно

обладал собственным настроением, и безупречный порядок то и дело сменялся многоцветным хаосом. Но с первого взгляда было ясно, какие старательные здесь садовники: каждая травинка подровнена, кусты живой изгороди подстрижены в форме квадратов, клумбы и куртины пышно цветут.

Аннабел, забывшая надеть перчатки и шляпу, но преисполненная неожиданным оптимизмом, глубоко вдыхала чистый воздух. Обойдя цветочные террасы на задах особняка, она направилась по усыпанной гравием тропинке, вьющейся между бордюрами маков и герани. Голову кружил сильный аромат: тропинка шла параллельно каменной ограде, увитой розовыми и кремовыми розами.

Аннабел замедлила шаг и неторопливо пересекла фруктовый сад, где росли древние грушевые деревья, принявшие под влиянием времени самые причудливые формы. Чуть дальше серебристые березы привели на опушку леса. Тропинка заканчивалась небольшой площадкой с каменным столом в центре. Приблизившись, Аннабел заметила расплавленные лужицы воска: похоже, свечи догорели прямо на столе. Девушка с легкой завистью улыбнулась, поняв, что уединенность поляны должна была привлечь романтических любовников.

Безразличная к окружающим красотам стайка из пяти белых жирных уток вперевалячку шла через площадку к пруду на другой стороне сада. Похоже, птицы давно привыкли к многочисленным посетителям Стоуни-Кросс-Парк, поскольку совершенно не обращали внимания на Аннабел и громко крякали в предвкушении вкусной еды. Процессия показалась Аннабел такой комичной, что она невольно рассмеялась.

Но прежде чем смех утих, она расслышала скрип гравия под тяжелыми шагами. Какой-то мужчина, должно быть, возвращался с прогулки в лесу и сейчас порывисто вскинул голову, ошеломленно уставившись на девушку. Темные глаза блеснули.

Аннабел окаменела.

Саймон Хант!

От удивления она потеряла дар речи. Как он очутился в Стоуни-Кросс? Аннабел всегда считала его городским жителем, потому что видела его в обществе джентльменов и дам в бальных костюмах. Однако в этом новом окружении он

казался совершенно иным человеком. Широкие плечи, вечно распиравшие тонкую материю фрака, сейчас вполне естественно вмещались в охотничью куртку из грубой ткани и рубашку с распахнутым воротом. И никакого галстука! Загоревшая за день кожа выглядела темнее обычного. Солнце отражалось от коротко стриженных волос, оказавшихся не черными, как думала раньше Аннабел, а темно-каштановыми. Залитое солнцем лицо тоже было иным, как будто внезапно смягчилось: густые полумесяцы ресниц, на миг легшие на щеки, чувственный изгиб нижней губы были куда более интригующими, чем обычная суровость.

Мужчина и женщина в молчаливом оцепенении смотрели друг на друга, словно не в силах ответить на заданный кем-то вопрос.

Молчание становилось настолько неловким, что Саймону наконец пришлось заговорить.

– Изумительный звук, – мягко заметил он.

Аннабел кое-как обрела голос.

– Какой именно? – пролепетала она.

– Ваш смех.

У Аннабел похолодело в животе. На боль это не похоже. Впрочем, и на удовольствие – тоже. Скорее лишающая сил волна непонятого ощущения, подобного которому она до этой минуты не испытывала.

Сама того не сознавая, она прижала ладонь к месту чуть пониже ребер. Взгляд Ханта устремился к ее руке, прежде чем снова скользнуть к лицу. Он шагнул ближе к каменному столу, перекрыв расстояние между ними.

– Не ожидал увидеть вас здесь, – заметил он, продолжая ощупывать ее глазами. – Но, разумеется, это вполне логично для женщины в вашем положении.

– В моем положении? – повторила Аннабел, прищурившись.

– Но вы же пытаетесь поймать мужа, – пояснил он.

Аннабел надменно усмехнулась:

– Я никого не пытаюсь поймать, мистер Хант.

– Насаживаете приманку, забрасываете удочку и вытягиваете на песок ничего не подозревающую жертву.

Губы Аннабел сжались в тонкую линию.

– Можете успокоиться, мистер Хант, вас я не собираюсь лишать драгоценной свободы. Вы самый последний в моем списке.

– Каком списке? – полюбопытствовал Хант, но тут же догадался и весело покачал головой: – Вот как?! Вы на самом деле составили список потенциальных мужей? – В глазах его заплясали лукавые искорки. – Какое облегчение слышать, что я сошел с круга, тем более что давно решил любой ценой избегать ваших ловушек. Но не могу не спросить: а кто все-таки во главе списка?

Аннабел не потрудилась ответить. И хотя терпеть не могла свою привычку нервно теревить что-то во время неприятных разговоров, все же сейчас, не удержавшись, принялась катать между пальцами кусочек воска.

– Скорее всего Уэстклиф, – предположил Хант.

Аннабел презрительно фыркнула и присела на стол. Старый камень оказался теплым и гладким на ощупь.

– Разумеется, нет. Я не вышла бы за графа, даже если бы он молил меня на коленях.

Откровенная ложь окончательно привела Ханта в хорошее настроение.

– Чистокровный лорд и с огромным состоянием? – расхохотался он. – Да вы не остановитесь ни перед чем, чтобы завлечь его!

Он небрежно уселся на другом конце, и Аннабел едва сдержала порыв отодвинуться. Обычно разговор леди и джентльмена подразумевал, что имеются определенные поступки, на которые джентльмен никогда не решится. Он, например, не оскорбит, не унизит и не смутит даму. Однако Саймон Хант на такое не способен.

- Почему вы здесь? - спросила она.

- Я друг Уэстклифа, - беспечно пояснил он.

Аннабел никак не могла представить, чтобы такой человек, как Хант, мог числиться в друзьях графа!

- Но почему он с вами общается? И не пытайтесь убедить меня, что у него с вами есть что-то общее. Между вами столько же общего, сколько между сыром и мелом.

- Как обнаружилось, у нас немало совместных интересов. Мы оба любим охотиться и придерживаемся одинаковых политических убеждений. В отличие от многих пэров Уэстклиф не позволяет себе держаться в жестких рамках этикета высшего общества.

- Господи, - издевательски протянула Аннабел, - вас послушать, так жизнь аристократов - нечто вроде добровольной тюрьмы.

- Собственно говоря, так оно и есть.

- В таком случае мне не терпится запереть себя в камере и выбросить ключи.

- Возможно, вы будете прекрасной женой какого-нибудь аристократа, - неожиданно согласился Хант.

Распознав нотки иронии в его тоне, Аннабел нахмурилась.

- Если вы так уж не терпите аристократов, не пойму, зачем проводить с ними столько времени.

Его глаза коварно сверкнули.

– Они тоже на что-нибудь годятся. И я не питаю к ним неприязни, просто не желаю стать одним из них. На случай, если вы еще не заметили: высшая знать, по крайней мере образ жизни, который они вели до сих пор, потихоньку умирает.

Аннабел, искренне шокированная столь смелым заявлением, широко раскрыла глаза:

– Что вы хотите этим сказать?

– Большинство богатых землевладельцев теряют свои состояния, которые либо делятся между требующими поддержки родственниками, либо попросту ими тратятся. Таковы наступающие изменения в экономике. Впрочем, это трудно вам объяснить. Но власти крупных землевладельцев быстро настает конец. Только люди вроде Уэстклифа, способные воспринимать новые веяния, переживут перемены.

– С вашей бесценной помощью, разумеется, – съязвила Аннабел.

– Совершенно верно, – подтвердил Хант так самодовольно, что она, сама не желая того, все же рассмеялась.

– Вы никогда не пытались хотя бы изобразить смирение, мистер Хант? Просто из вежливости.

– Не верю в ложную скромность.

– А ведь в этом случае вы имели бы шанс понравиться окружающим.

– И вам в том числе?

Ногти Аннабел впились в мягкий светлый воск. Ничем не выдавая себя, она бросила на Ханта взгляд исподлобья, чтобы измерить всю глубину язвительности в его глазах, но, к ее величайшему смущению, он казался абсолютно серьезным, мало того, явно интересовался ее ответом. Она ощутила,

как по щекам ползет предательский румянец. Ей снова стало не по себе. Зря она так неосмотрительно дала вовлечь себя в разговор с Хантом, рассевшимся рядом, подобно ленивому любопытному пирату. Она уставилась на большую, опиравшуюся о край стола руку с длинными, чистыми, загорелыми пальцами и ногтями, остриженными так коротко, что белые полумесяцы были едва видны.

– Ну... «понравиться» – это слишком сильно сказано, – усмехнулась она, отряхивая ладони от воска. Чем больше она старалась не краснеть, тем сильнее багровело лицо. – Думаю, что смогла бы легче вынести ваше общество, если бы вы постарались вести себя как джентльмен.

– Например?

– Ну... хотя бы манера, в которой вы вечно стремитесь уличать людей в лицемерии...

– Разве честность не добродетель?

– Да, но вряд ли она способствует оживленной беседе, – вспыхнула девушка и, игнорируя тихий смех, продолжала: – И постоянные разговоры о деньгах вульгарны, особенно в высших кругах. Приличные люди делают вид, что деньги и способы их зарабатывать или вкладывать не имеют значения, хотя вы обожаете обсуждать подобные темы.

– Я никогда не понимал, почему энергичная погоня за богатством считается весьма презираемым занятием.

– Возможно, потому, что спутниками такой погони обычно бывают такие пороки, как жадность, эгоизм, двуличие...

– О, эти недостатки ко мне не относятся.

– Вот как? – удивилась Аннабел, вскинув брови.

Хант, улыбаясь, медленно покачал головой, и солнце снова заиграло в прядях цвета собольего меха.

– Будь я жадным и эгоистичным, наверняка утаивал бы прибыли, однако все партнеры могут заверить, что их вложения с лихвой окупились, а служащие щедро вознаграждены за труд. Что же до двуличия... думаю, всем очевидно, что моя проблема диаметрально противоположна. Я чересчур правдив, что в цивилизованном обществе считается непростительным грехом.

По какой-то непонятной причине Аннабел улыбнулась невоспитанному негодяю и, оттолкнувшись от стола, отряхнула юбки.

– Не собираюсь тратить время, обучая вас правилам вежливости, поскольку совершенно очевидно, что вы не собираетесь ими воспользоваться.

– Ваше время не было потрачено зря, – заверил он. – Я намереваюсь всерьез задуматься о том, как встать на путь праведный.

– Не старайтесь, – отмахнулась она. – Вы абсолютно безнадежны. А теперь, прошу извинить, я хочу продолжить прогулку по саду. Желаю вам приятного дня, мистер Хант.

– Позвольте мне пойти с вами, – тихо попросил он. – Можете читать мне наставления, и я даже обещаю слушать.

Аннабел озорно наморщила носик.

– Не будете вы слушать, – отрезала она и быстро пошла по тропинке, чувствуя спиной его взгляд.

Глава 6

В первый вечер, перед самым ужином, Аннабел, Лилиан и Дейзи встретились в нижней комнате для приемов, просторном помещении, уставленном множеством стульев и столов, где предпочли собраться большинство гостей.

– Мне следовало бы знать, что это платье будет выглядеть в сто раз лучше на тебе, чем на мне! – торжествующе объявила Лилиан, обнимая Аннабел и тут же

отстраняя, чтобы получше разглядеть. – О, какая это пытка – дружить с неотразимой красавицей.

Аннабел надела еще одно из новых платьев: желтый шелк с пышными юбками, закрепленными с равными интервалами букетиками шелковых фиалок. Волосы были заплетены в косу и заколоты на затылке.

– Я далеко не совершенна, – сказала она Лилиан.

– Неужели? И в чем заключаются эти несовершенства?

– Ну, если ты до сих пор не заметила, не могу же я себя выдавать, – хихикнула девушка.

– А вот Лилиан сообщает всем и каждому о своих недостатках, – вставила Дейзи. – Мало того, гордится ими.

– У меня ужасный характер, – довольно ухмыльнулась Лилиан. – И я ругаюсь, как матрос.

– Кто тебя научил? – оживилась Аннабел.

– Бабушка. Она была прачкой. А дедушка варил мыло, и именно бабушка была его покупательницей. Поскольку она работала по соседству с портом, большинством клиентов были матросы и докеры, научившие ее таким вульгарным выражениям, что у тебя уши завяли бы, услышь ты хоть одно.

Смех, притаившийся в груди Аннабел, был готов вырваться наружу. Она была в полном восторге от новых подруг, абсолютно непохожих на тех девушек, которых она знала раньше. К сожалению, было невозможно представить Лилиан и Дейзи в роли жен аристократов. Джентльмены из высшего света в основном предпочитали девушек величавых, спокойных, безмятежных... словом, тех самых, чьей единственной целью было сделать мужа объектом восхищенного внимания. Однако Аннабел так наслаждалась их обществом, что наверняка пожалела бы, если бы сестрам пришлось отказаться от лукавой дерзости, делавшей их столь привлекательными.

И тут она неожиданно узрела Эви, проскользнувшую в дверь осторожно, как мышка, брошенная в стаю кошек. При виде Аннабел и сестер ее лицо мгновенно расслабилось. Пробормотав что-то своей надутый тетке, она с улыбкой направилась к подругам.

- Эви! - восторженно взвизгнула Дейзи, рванувшись к девушке. Аннабел поймала ее за руку и прошептала:

- Подожди. Если привлечешь внимание к Эви, она, возможно, упадет в обморок от смущения.

Дейзи послушно остановилась и расплылась в улыбке:

- Ты права. Я совершеннейшая дикарка.

- Я бы этого не сказала, дорогая, - утешила Лилиан.

- Спасибо, - довольно кивнула Дейзи.

- До дикарки тебе далеко, - закончила старшая сестра.

Аннабел, снова хихикнув, обняла тонкую талию Эви.

- Как чудесно ты сегодня выглядишь, - шепнула она. Волосы Эви были сколоты шпильками с жемчужными головками и сияли на макушке короной рыжих локонов. Россыпь янтарных веснушек на переносице только украшала ее, словно природа по какому-то капризу бросила в девушку пригоршню солнечных искр.

Эви на минуту прислонилась к ней, будто черпала силы у подруги.

- Тетя Ф-флоренс сказала, что я выгляжу к-как горящий факел, - пожаловалась она.

Дейзи презрительно фыркнула:

- Твоей тете Флоренс вряд ли следовало бы делать подобные замечания, если сама она удивительно похожа на пугало.

- Дейзи, немедленно замолчи, - строго потребовала сестра.

Аннабел продолжала обнимать подругу, думая, что, судя по замечаниям, которые отпускала тетя Флоренс, почтенной матроне доставляло злобное удовольствие лишать племянницу даже той малой толики уверенности, которая еще оставалась у последней. Мать Эви умерла очень рано, и семейство тетки пригрело сиротку. Правда, под воспитанием там подразумевались постоянные нотации и окрики, и девочка росла робкой, неуверенной в себе серенькой мышкой.

Эви с усмешкой покачала головой:

- Ну уж нет. Не п-пугало. Скорее уж страшный тролль.

Аннабел радостно рассмеялась:

- Пожалуй, ты права. Кстати, никто не видел лорда Кендалла? Мне сказали, что он один из немногих холостяков, которые соизволили сюда приехать, и единственный холостяк с титулом, если не считать Уэстклифа.

- Состязание за такой приз, как Кендалл, будет отчаянным, - предрекла Лилиан. - К счастью, мы с Дейзи успели составить план, как надежнее привести к алтарю ничего не подозревающего джентльмена.

Она знаком велела подругам подойти ближе.

- Боюсь даже спрашивать, - выдохнула Аннабел, - но нельзя ли узнать подробности?

- Главное - завлечь его в компрометирующую ситуацию, а уж мы «нечаянно» окажемся поблизости и поймаем вас обоих. Любой мужчина, считающий себя джентльменом, обязан в подобном случае жениться на леди.

- Блестящая мысль, не находите? - спросила Дейзи.

Эви с сомнением взглянула на Аннабел:

- Довольно н-нечестный ход, верно?

- «Довольно» - не то слово, - покачала головой Аннабел. - Но ведь мы сами ничего лучше не придумали.

- Не придумали, - подтвердила Эви. - В-вопрос только в том, неужели мы так отчаянно нуждаемся в мужьях, что готовы прибегнуть к любым средствам, независимо от того, насколько они честны?

- Лично я готова, - не колеблясь, ответила Аннабел.

- Мы тоже, - жизнерадостно вторила Дейзи.

Эви неуверенно оглядела подруг:

- А мне вот совесть не позволяет. Хотя м-мне должно быть совершенно б-безразлично, обманываю я ч-человека...

- Эви, - нетерпеливо перебила Лилиан, - мужчины ожидают обмана в подобных делах. Мало того, счастливы этим. Если будешь с ними откровенна, только отпугнешь. Они боятся всего, что связано с браком, и мало кто пойдет на это по своей воле.

Аннабел с притворной тревогой уставилась на подругу:

- Ты безжалостна!

Лилиан мило улыбнулась:

- Семейная черта. Боумены безжалостны по природе. Мало того, если представится случай, можем быть настоящими злодеями.

Аннабел, смеясь, обернулась к по-прежнему хмурившейся Эви.

– Эви, – мягко сказала она, – до этой минуты я всегда старалась поступать как порядочный человек. Но пойми, это ни к чему не привело, а теперь я собираюсь попробовать нечто новое... разве ты против?

Эви, все еще не слишком убежденная, нерешительно кивнула.

– Вот и молодец, – ободрила Аннабел.

Пока они беседовали, по комнате словно прошла волна возбуждения: появился сам хозяин и немедленно принялся выполнять свои обязанности, ловко составляя пары, которым предстояло проследовать в столовую. Хотя граф отнюдь не был самым высоким мужчиной в комнате, его властного присутствия невозможно было не заметить. Он словно магнитом притягивал к себе окружающих. Аннабел невольно задалась вопросом: отчего некоторые люди обладают этим качеством... чем-то, не имеющим названия, но сообщаящим значительность каждому слову и каждому жесту? Судя по лицу Лилиан, та тоже это заметила.

– Вот человек, который всегда остается высокого мнения о себе, – сухо бросила она. – Интересно, способен ли кто-то осадить его, указав истинное место?

– Представить не могу, – отозвалась Аннабел. – Но хотела бы стать свидетельницей столь великого события.

Эви подвинулась ближе и легонько дернула ее за рукав:

– Т-там в углу лорд Кендалл.

– Откуда тебе известно, что это именно Кендалл?

– П-потому что он окружен дюжиной незамужних девиц, к-которые курсируют поблизости, как ак-кулы.

– Хороший довод, – согласилась Аннабел, рассматривая молодого человека и щебечущих соперниц. Уильям, лорд Кендалл, казалось, был озадачен столь навязчивым вниманием дам. Светловолосый хрупкий молодой человек, чей длинноватый нос украшали дорогие очки, растерянно переводил взгляд с одного

лица на другое.

Страстный интерес, проявленный к столь застенчивому человеку, как Кендалл, лишний раз доказывал, что нет афродизиака более действенного, чем отсутствие обручального кольца в конце сезона. Те же девушки, которые не замечали Кендалла в январе, к июню вились вокруг него, как пчелы вокруг цветка.

– Он выглядит довольно славным, – задумчиво заметила Аннабел.

– Он выглядит человеком, которого легко запугать. На твоём месте я бы при встрече с ним старалась выглядеть как можно скромнее и беспомощнее.

Аннабел иронически усмехнулась:

– Беспомощность никогда не была моей сильной стороной. Постараюсь изобразить скромность, но обещать ничего не могу.

– Думаю, ты без труда привлечешь внимание Кендалла, и он забудет обо всех этих назойливых особах, – уверенно ответила Лилиан. – После ужина, когда леди и джентльмены вернутся сюда, чтобы спокойно выпить чай, мы найдем способ вас познакомить.

– Как мне следует... – начала Аннабел, но тут же осеклась, ощутив, как закололо в затылке, словно кто-то провел по коже веткой терновника. Не понимая, чем вызваны столь странные ощущения, она коснулась затылка и неожиданно поняла, что смотрит прямо в глаза Саймона Ханта.

Хант стоял у противоположной стены в компании троих мужчин, занятых оживленной беседой. Он выглядел обманчиво расслабленным, только в глазах светилась настороженность кота, решавшего, броситься или не броситься на мышь. Ясно было, что он заметил ее интерес к Кендаллу.

Черт возьми, какое ему дело?

Она подчеркнуто презрительно повернулась к нему спиной. Такой, как он, вполне способен причинить ей кучу неприятностей.

– Заметили, что мистер Хант тоже здесь? – тихо спросила она подруг и увидела их удивленные лица.

– Твой мистер Хант? – ахнула Лилиан, а Дейзи завертела головой во все стороны, пытаясь увидеть Ханта.

– Он не мой! – возразила Аннабел, состроив смешную гримаску. – Но да, он стоит почти напротив нас. Я сегодня днем с ним говорила. Он похвастался близкой дружбой с графом. И поверьте, этот человек сделает все, чтобы разрушить наши планы.

– Н-неужели он настолько эгоистичен, что помешает тебе выйти замуж? – поразилась Эви. – Из-за того, что сам он намеревается сделать тебя своей... своей...

– Содержанкой, – докончила за нее Аннабел. – И это не так уж невозможно. Недаром у мистера Ханта репутация человека, который не остановится ни перед чем, чтобы добиться своего.

– Это, скорее всего, чистая правда, – кивнула Лилиан, решительно поджимая губы, – но, клянусь, тебя он не получит.

Ужин был совершенно великолепен. Слуги проворно ставили бесчисленные серебряные супницы и блюда на три длинных обеденных стола. Еды было столько, что Аннабел с трудом верила глазам. Неужели такие ужины граф задает каждый вечер? Но сосед слева, приходской священник, заверил, что подобные пиршества – вполне обычное явление в этом доме.

– Граф и его семья славятся своими балами и ужинами, – сообщил он. – Не знаю другого такого гостеприимного хозяина.

Аннабел не собиралась спорить. Давно уже она не пробовала столь изысканных блюд! Скучное, успевшее, как правило, остыть угощение, которое подавали на лондонских вечерах и праздниках, не имело с этим ничего общего. Кроме того, последние несколько месяцев Пейтоны не могли позволить себе ничего вкуснее хлеба, бекона и супа и очень редко – жареную камбалу или тушеную баранину. На этот раз Аннабел втайне радовалась, что ее соседи, очевидно, не слишком разговорчивы и она может вдоволь насладиться сытным ужином. И поскольку

слуги неутомимо разносили все новые блюда, никто, казалось, не замечал ее неподобающего даме аппетита.

Для начала она жадно съела суп с шампанским и камамбером, за которым последовали тонкие ломтики телятины в соусе с травами и нежный горошек в сливках... рыба, запеченная в бумажных папильотках, поражавшая необыкновенным ароматом, стоило развернуть папильотку... крошечные картофелинки с маслом на ложе из салата... и восхитительный фруктовый десерт, поданный в половинках апельсиновой кожуры.

Аннабел была так поглощена едой, что прошло несколько минут, прежде чем она заметила, что Саймон Хант сидит почти рядом с хозяином, во главе стола. Поднося к губам бокал с разбавленным водой вином, она украдкой взглянула на него. Хант, как всегда, был безупречно одет в черный фрак и дорогой жилет оловянного цвета. Шелковая ткань едва заметно поблескивала. Загар резко контрастировал с крахмальной кипенно-белой сорочкой и такого же цвета повязанным идеальным узлом галстуком. Тяжелые пряди волос явно требовали помады: густой локон уже упал на лоб, и это по какой-то причине беспокоило Аннабел. Ей вдруг захотелось откинуть его со лба.

От нее не ускользнуло, что женщины, сидевшие по бокам Саймона, соревновались за каждый его взгляд, каждый жест. Она не раз замечала, что женщины находят Ханта весьма привлекательным, и точно знала почему: сочетание греховного обаяния, холодного ума и жизненного опыта действительно казалось неотразимым. Хант выглядел человеком, перебивавшим во многих постелях и точно знавшим, чего от него в этих постелях ожидали. Казалось бы, такое качество должно было окончательно отвратить Аннабел. Но девушка постепенно понимала, что иногда бывает огромная разница между тем, что вы считаете для себя правильным, и тем, чего на самом деле хотите. И сейчас она бы и рада была отрицать, что Саймон Хант был единственным мужчиной, к которому ее невероятно влекло.

Несмотря на строгое воспитание, Аннабел в свои уже не детские годы была знакома с некоторыми зачастую не слишком приглядными сторонами жизни. Ее скудные знания основывались на умении слушать и делать выводы. За последние четыре года ее несколько раз целовали мужчины, проявлявшие к девушке мимолетный интерес. Но ни один из этих поцелуев, в каком бы романтическом окружении это ни происходило, не вызвал чувств, охвативших Аннабел, когда Хант держал ее в своих объятиях.

И как она ни пыталась, так и не смогла забыть тот давний случай в театре панорамы... нежное, чувственное прикосновение его губ, головокружительное наслаждение его поцелуем. Очень жаль, что она так и не поняла, почему с Хантом все было по-иному, но спросить было некого. Об откровенном разговоре с Филиппой не могло быть и речи, поскольку Аннабел не хотела признаваться, что приняла деньги на билет у незнакомого человека, а тем более не желала исповедаться новым подругам, которые, очевидно, знали о поцелуях и мужчинах не больше, чем она сама.

И когда их взгляды скрестились, Аннабел вдруг сообразила, что неприлично тарашится на него. Тарашится и воображает бог знает что. Хотя они сидели далеко друг от друга, девушка остро ощущала невидимую, но очень прочную связь. Лицо Саймона стало чуть растерянным, словно что-то его заворожило. Интересно, что именно?

Отчаянно краснея, она отвернулась и вонзила вилку в запеканку из лука-порей и грибов под слоем тертого белого трюфеля.

После ужина дамы удалились в салон, где были сервированы чай и кофе, а оставшимся в столовой джентльменам принесли портвейн. Как повелевали традиции, и тем и другим предстояло собраться в гостиной. Пока женщины смеялись и болтали, Аннабел шепталась с подругами.

– Вы уже узнали что-нибудь о лорде Кендалле? – спросила она в надежде, что кто-то из них успел услышать полезные сплетни из разговора за ужином. – Он интересуется кем-то в особенности?

– Пока что никем. Можно смело делать первый шаг, – сообщила Лилиан.

– Я спросила маму, что она знает о Кендалле, – добавила Дейзи, – и она ответила, что у него довольно приличное, не обремененное долгами состояние.

– Откуда ей знать? – допытывалась Аннабел.

– По просьбе мамы, – пояснила Дейзи, – наш отец заказал письменные отчеты по каждому холостому пэру в Англии. А она их читала и запомнила, поскольку считает, что идеальной партией для ее дочерей должен быть по меньшей мере

обедневший герцог, чей титул гарантирует для Боуменов вход в самые высокие круги. А взамен наши деньги обеспечат ему безбедную жизнь.

Дейзи сардонически усмехнулась и погладила руку сестры.

– В Нью-Йорке о Лилиан даже сложили нечто вроде стишка: «Женись на Лилиан, получишь миллион». Стишок приобрел такую популярность, что стал одной из причин, по которым нам пришлось покинуть родину. Наша семейка выглядела сборищем неотесанных, чрезмерно амбициозных идиотов.

– Но разве мы не таковы? – горько бросила Лилиан.

Дейзи забавно скосила глаза.

– А вот мне повезло удрать, прежде чем и про меня стали сочинять стишки.

– Почему же, я сочинила. «Женишься на Дейзи, потеряешь все надежды», – хмыкнула Лилиан.

Дейзи ответила красноречивым взглядом, но сестра только улыбнулась.

– Не волнуйся, – продолжала Лилиан, – мы обязательно проникнем в лондонское общество, выйдя замуж за лордов Пустойкарман и Тощийкошелек и став хозяйками их разоренных поместий.

Аннабел сочувственно улыбнулась и покачала головой, а Эви, извинившись, покинула компанию, очевидно, в поисках туалета. Аннабел почти жалела сестер Боумен, поскольку становилось яснее ясного, что шансов выйти замуж по любви у них не больше, чем у нее.

– Ваши родители так хотят видеть вас титулованными дамами, – спросила Аннабел, – или это желание матери? Что говорит по этому поводу ваш отец?

Лилиан небрежно пожала плечами:

– Сколько я себя помню, отец никогда не имел своего мнения относительно собственных детей. Он желает одного: чтобы его оставили в покое и позволили

делать деньги. Даже когда мы пишем ему, он не обращает внимания на текст письма, если только в нем не содержится просьба прислать еще денег. И тогда он отвечает одной строчкой: «Разрешаю взять в банке».

– Думаю, отец доволен усилиями матери пристроить нас, поскольку в этом случае она слишком занята, чтобы приставать к нему, – добавила Дейзи с тем же циничным юмором.

– Господи Боже, – пробормотала Аннабел. – И он никогда не сетует на ваши бесконечные требования денег?

– О, никогда, – заверила Лилиан, смеясь над явной завистью Аннабел. – Мы безобразно богаты, Аннабел, и у меня еще есть трое старших братьев, все холостяки. Может, кто-то из них тебе подойдет? Если согласишься, я немедленно прикажу любому из них пересечь Атлантику и пасть к твоим ногам.

– Соблазнительно, но нет, – покачала головой девушка. – Не хотелось бы жить в Нью-Йорке. Предпочитаю стать женой английского аристократа.

– Разве так уж приятно быть женой аристократа? – задумчиво протянула Дейзи. – Жить в насквозь продуваемых старых домах, с плохой канализацией, всю жизнь следовать бесконечным правилам приличия и этикета... шагу не ступишь свободно!

– Ты никто, если не получишь титула, – вздохнула Аннабел. – В Англии благородное рождение – это все. Оно определяет отношение окружающих к вам, школы, которые посещают ваши дети, места, куда вас приглашают... любую грань вашей жизни.

– Ну, не знаю... – начала Дейзи, но поспешное возвращение Эви заставило их забыть обо всем. Голубые глаза девушки возбужденно блестели.

Присев на край стула, она, заикаясь, прошептала Аннабел:

– М-мне пришлось повернуть обратно и б-бежать сюда... чтобы сообщить... он один!

– Кто? – ответила Аннабел тоже шепотом. – Кто один?

– Лорд Кендалл! Я видела его на задней террасе! Просто сидит за столиком сам по себе и без своего обычного окружения.

Лилиан нахмурилась:

– Может, он кого-то ждет? Вряд ли Аннабел стоит врываться на террасу, подобно носорожице в течке.

– Нельзя ли подобрать более лестную метафору, дорогая? – мягко спросила Аннабел, но Лилиан только фыркнула.

– Прости. Но тут нужно действовать со всей осторожностью.

– Согласна, – кивнула Аннабел с ответной улыбкой и, встав, расправила юбки.

– Я собираюсь идти на разведку. Хорошая работа, Эви.

– Удачи, – пожелала Эви, и все, скрестив пальцы на счастье, долго смотрели вслед подруге.

Аннабел с сильно бьющимся сердцем направилась к боковому выходу. Она прекрасно сознавала, что рискует нарушить сложнейшую паутину правил и запретов. Леди никогда не должна намеренно искать общества джентльмена, но если их дорожки случайно пересекутся, вполне позволительно немного побеседовать и обменяться любезностями. Но им нельзя проводить время наедине, если только это не прогулка верхом или в экипаже. А если девушка, собираясь погулять по саду, вдруг встретит джентльмена, следует предпринять всяческие меры, чтобы ситуация не показалась компрометирующей.

За исключением тех случаев, конечно, когда девушка сама желает создать подобную ситуацию.

Уже подходя к длинному ряду стеклянных дверей, выходящих на широкую, вымощенную каменными плитами террасу, Аннабел заметила свою добычу. Как и описывала Эви, лорд Кендалл сидел один за круглым столиком, откинувшись на

спинку плетеного кресла и беззаботно вытянув ногу. Очевидно, он наслаждался свежим воздухом после духоты помещения.

Аннабел тихо приблизилась к ближайшей двери и выскользнула наружу. Здесь нежно пахло миртом и вереском, а река, протекавшая за садом, выводила нежную журчащую мелодию.

Аннабел опустила голову и, поморщившись, потерла пальцами виски, словно мучилась головной болью. В двух шагах от столика Кендалла она подняла глаза и делано вздрогнула, как будто не ожидала увидеть его здесь.

– О, простите! – чуть задыхаясь, воскликнула она, немного нервничая. Слишком хорошо она знала, как важно произвести первое впечатление. – Я и не думала, что здесь кто-то есть...

Кендалл учтиво встал. Линзы очков блеснули в свете фонаря. Только сейчас девушка разглядела, насколько он тощ. Сплошные кости да кожа. Фрак свободно болтается, плечи явно подбиты ватой, и, несмотря на то что он был дюйма на три выше Аннабел, она не удивилась бы, узнав, что весят они одинаково. И держался он как-то настороженно, неловко, словно олень, готовый в любую минуту порскнуть в чашу, удирая от охотников. Как ни печально, но Аннабел была вынуждена признать, что это не тот человек, который привлек бы ее с первого взгляда. С другой стороны, она и маринованную селедку не любила, но если бы умирала от голода и кто-то протянул бы ей бочку с маринованной сельдью, вряд ли задрала бы нос и гордо отказалась.

– Здравствуйте, – приветствовал Кендалл мягким, хорошо поставленным, хотя несколько высоковатым голосом. – И не стоит так тревожиться. Даю слово, я совершенно безвреден.

– О, я пока бы поостереглась выносить приговор, – улыбнулась Аннабел, но тут же поморщилась, словно малейшее движение причиняло новую волну боли. – Простите за то, что нарушила ваше уединение, сэр. Я всего лишь хотела подышать воздухом. – В подтверждение своих слов она глубоко вдохнула, так что грудь завлекательно натянула ткань корсажа. – Атмосфера в доме достаточно угнетающая, не находите?

Кендалл приблизился к ней, вытянув руки, будто опасался, что она может лишиться чувств.

- Позвольте принести вам что-нибудь? стакан воды?

- Нет, спасибо. Думаю, что несколько минут под открытым небом подействуют лучше всякого лекарства, - заверила Аннабел, грациозно опускаясь в ближайшее кресло. - Хотя... - Она помедлила и стыдливо опустила глаза. - Нехорошо, если нас увидят здесь одних, тем более что мы даже незнакомы.

Он слегка поклонился:

- Лорд Кендалл к вашим услугам.

- Мисс Аннабел Пейтон, - представилась она и показала на соседнее кресло: - Садитесь, пожалуйста. Обещаю, что исчезну, как только станет легче.

Кендалл осторожно присел рядом.

- О, в этом нет нужды. Оставайтесь, сколько вам угодно.

Ободряющее заявление.

Помня о совете Лилиан, Аннабел хорошенько обдумала следующую фразу. Поскольку Кендалла неустанно преследовали незамужние женщины и их маменьки, нужно как-то выделиться из толпы, притворившись, что она единственная, кто совершенно им не интересуется.

- Могу понять, почему вы пришли сюда один, - улыбнулась она. - Должно быть, вы в отчаянии от той охоты, которую устроили на вас женщины.

Кендалл удивленно вскинул брови.

- Честно говоря, вы правы. Должен сказать, что никогда еще не встречал столь дружелюбных гостей.

– Подождите до конца месяца, – посоветовала она. – Их дружелюбие станет таким горячим, что вам понадобятся для обороны хлыст и пистолет.

– Кажется, вы предполагаете, что из меня сделали нечто вроде матримониальной мишени, – сухо заметил он.

– Разумеется. Не хватает только белых кругов на спине фрака, – согласилась Аннабел.

Лорд Кендалл усмехнулся и кивнул.

– Не будет ли слишком смелым спросить, есть ли еще причины для вашего пребывания на террасе, милорд?

Кендалл продолжал улыбаться. Похоже, он уже освоился с ее обществом.

– Боюсь, я не умею пить, и портвейн дурно на меня действует. Но приходится сидеть за столом вместе со всеми джентльменами, чтобы не выглядеть белой вороной.

До этого дня Аннабел еще не встречала мужчины, готового признаться в подобных вещах. Большинство джентльменов были способны поглощать спиртное в количествах, достаточных, чтобы напоить слона.

– Значит, вам становится плохо от вина? – сочувственно спросила девушка.

– «Плохо» – это еще слабо сказано. Мне говорили, что с годами можно привыкнуть, но в отношении меня это совершенно бесполезно. И я знаю немало других способов приятно провести время.

– Таких, как...

Кендалл долго думал, прежде чем ответить.

– Прогулки на природе. Книга, питающая разум. – Его глаза вдруг приветливо блеснули. – Беседа с новым другом.

– Мне все это тоже по душе.

– Правда?

Кендалл поколебался, прислушиваясь к плеску воды и шороху листьев.

– Может, вам захочется совершить со мной прогулку завтра утром? Я знаю немало превосходных мест в здешней округе.

Аннабел едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть от восторга.

– О, с удовольствием. Но смею ли я спросить: как насчет ваших постоянных спутниц?

Кендалл улыбнулся, открыв два ряда мелких белоснежных зубов.

– Вряд ли нас кто-то потревожит, если встать достаточно рано.

– О, я тоже люблю вставать с первыми лучами солнца, – солгала она. – И обожаю ходить пешком.

– Значит, в шесть?

– В шесть, – повторила она, вставая. – А сейчас мне нужно вернуться, иначе мое отсутствие будет замечено и истолковано неподобающим образом. Однако я чувствую себя гораздо лучше. Спасибо за приглашение, милорд. – Она разрешила себе послать ему кокетливую усмешку. – И за то, что позволили посидеть на террасе.

Войдя в комнату, она на миг прикрыла глаза и облегченно вздохнула. Как гладко все прошло и куда легче, чем она предполагала! Если повезет и друзья помогут, она сумеет поймать титулованного мужа, и тогда все будет хорошо.

Вечерние развлечения закончились, и большинство гостей предпочли отправиться на покой. Проходя в гостиную, Аннабел увидела собравшихся в углу подруг, улыбнулась им и повела всех к нише, где можно было обменяться несколькими словами без свидетелей.

– Ну? – требовательно спросила Лилиан.

– Завтра утром мы с мамой идем на прогулку с лордом Кендаллом, – объявила Аннабел.

– Одни?

– Одни. Мы и встречаемся на рассвете, чтобы избежать нашествия охотниц за мужьями.

Будь они в более спокойном местечке, наверное, завизжали бы от радости. Но вместо этого пришлось обменяться торжествующими взглядами, и только Дейзи стала притоптывать ножкой в ритме победного танца.

– Н-ну, какой он? – спросила Эви.

– Робкий, но очень славный. И похоже, наделен чувством юмора, на что я и надеяться не смела.

– И зубы у него все свои, – добавила Лилиан.

– Ты была права, когда сказала, что его легко напугать, – продолжала Аннабел. – Уверена, что Кендалла не привлекают женщины с сильным характером. Он осторожен и мягок в обращении. Я пытаюсь казаться скромной и застенчивой, хотя, возможно, буду терзаться угрызениями совести за свой обман.

– Все женщины так себя ведут до брака, да и мужчины тоже мастера притворяться, – прозаически заметила Лилиан. – Мы пытаемся скрыть наши недостатки и говорим вещи, которые, как нам кажется, хочет услышать собеседник. Притворяемся, что мы всегда прелестны, милы и послушны и прощаем другим их гнусные привычки. Ну а после свадьбы вновь становимся собой.

– Вряд ли мужчинам приходится притворяться столько же, сколько женщинам, – вздохнула Аннабел. – Если у мужчины брюшко или гнилые зубы или просто мозгов не хватает, женщины все равно вьются около него при условии, что он богат или титулован. А вот для женщин требования куда строже.

– П-поэтому мы и сидим у стенки, когда другие танцуют, – пожаловалась Эви.

– Ничего, недолго осталось, – с улыбкой пообещала Аннабел.

Из бального зала выплыла тетушка Флоренс, похожая на ведьму в своем черном платье, только подчеркивавшим желтоватую кожу. Между высохшей злобной фурией и рыжеволосой голубоглазой веснушчатой Эви почти не было фамильного сходства.

– Эванджелин! – резко окликнула она, бросив на компанию неодобрительный взгляд. – Я предупреждала, что нельзя исчезать, не предупредив! Я повсюду искала тебя целых десять минут и не помню, чтобы ты спрашивала разрешения встретиться со своими подругами. Что же касается девиц, с которыми ты общаешься...

Сердито выговаривая девушке, тетя Флоренс устремилась к парадной лестнице и потащила за собой опечаленную Эви. Та едва успела помахать на прощание подругам.

– Эви говорит, что ее семья очень богата, – сообщила Дейзи. – Но при этом утверждает, что все они очень несчастны. Интересно, почему бы это?

– Старые деньги, – вздохнула Лилиан. – Отец считает, что долгие годы изобилия способствуют пониманию, что не все можно купить за золото. – И, взяв сестру под руку, велела: – Пойдем, дорогая, прежде чем мама нас хватит. А ты, Аннабел? Может, прогуляемся вместе?

– Нет, спасибо. Через минуту явится мама. Мы уговорились встретиться у подножия лестницы.

– В таком случае спокойной ночи. К тому времени как мы проснемся, ты уже успеешь прогуляться с Кендаллом. Я ожидаю полного отчета за завтраком.

Аннабел шутливо отсалютовала ей и, оставшись одна, медленно побрела к лестнице и притаилась в тени. Похоже, Филиппа никак не наговорится со своими приятельницами! Но Аннабел не раздражало ожидание, тем более что ей было о чем поразмыслить. Следовало бы придумать темы для завтрашнего разговора, составить план, как привлечь его внимание и покрепче подцепить на крючок, несмотря на конкуренцию девиц, которые станут преследовать его следующие несколько недель. Если она окажется достаточно умна, чтобы понравиться лорду Кендаллу, и если подруги сумеют осуществить свой замысел поймать его в компрометирующей ситуации, каково это будет – играть роль жены такого человека? Инстинкт подсказывал, что она никогда не сможет влюбиться в мужчину, подобного Кендаллу, однако девушка поклялась, что сделает все возможное, дабы стать для него идеальной супругой. И разумеется, со временем она привыкнет и даже полюбит его. Брак с Кендаллом будет приятным и необременительным, а жизнь – удобной и благополучной. И ей больше никогда не придется беспокоиться о том, есть ли еда на столе. Но самое главное, Джереми сможет учиться дальше, а матери больше никогда не придется терпеть омерзительные знаки внимания лорда Ходжема.

На лестнице послышались тяжелые шаги. Стоя у перил, Аннабел с легкой улыбкой подняла голову... и оцепенела, глядя в мясистое лицо, обрамленное жирными седеющими волосами. Ходжем! Но этого быть не может!

Ходжем тем временем спустился пониже и встал перед ней, удостоив небрежным поклоном. До чего же нестерпимо самодовольная рожа!

Глядя в холодные голубые глаза врага, Аннабел ощущала, как вся съеденная за ужином еда шипастым комком перекачивается в животе.

Откуда он взялся? И почему она не видела его сегодня днем?

При мысли о матери, с которой они уговорились встретиться на этом самом месте, в ней вскипела ярость. Этот наглый тип, считавший себя их благодетелем и подвергший мать неслыханному унижению в обмен на жалкие подачки, теперь явился преследовать их в самое неподходящее время. Страшно подумать, как подействует на Филиппу присутствие Ходжема, тем более что он в любой момент способен выдать истинную природу своих с ней отношений. О, как легко он может уничтожить Пейтонов! А у них нет средств заставить его молчать!

– Да это мисс Пейтон, – пробормотал Ходжем, покрасневшись от злорадного удовольствия. – Какое приятное совпадение, что именно вы – первая гостья, которую я встречаю в Стоуни-Кросс-Парк!

По спине Аннабел пополз холодный озноб, но она вынудила себя не отводить взгляда, и, хотя старалась выглядеть абсолютно бесстрастной, Ходжем ехидно улыбнулся, очевидно, понимая, как девушка боится и ненавидит его.

– После всех тягот пути, – продолжал он, – я предпочел поужинать у себя в комнате. Жаль, что мы не увиделись раньше. Однако в последующие недели у нас будет немало возможностей для встреч. Полагаю, ваша очаровательная матушка тоже здесь.

Аннабел отдала бы все за возможность ответить отрицательно. Сердце билось так часто, что воздух никак не попадал в легкие... но она старалась не обращать внимания на настойчивый стук.

– Не смейте приближаться к ней, – потребовала она, удивленная, что голос звучит спокойно и твердо. – И тем более разговаривать.

– Ах, мисс Пейтон, вы раните меня, меня, который был единственным другом вашей семьи в те тяжелые времена, когда остальные вас предали!

Она, не мигая, не шевелясь, смотрела на него, словно осталась лицом к лицу с ядовитой, готовой ужалить змеей.

– Не правда ли, как приятно, что мы встретились в этом доме? – продолжал Ходжем и тихо рассмеялся. Зачесанная на лысину прядь сальным флажком скользнула на низкий лоб. Он пригладил ее пухлой ладонью. – Фортуна и вправду улыбнулась мне, позволив оказаться рядом с женщиной, которую я так высоко ценю.

– Между вами и моей матерью не может быть ничего общего, – процедила Аннабел, до боли сжав кулак, чтобы не всадить его в эту нагло ухмыляющуюся физиономию. – Предупреждаю, милорд, если вы хотя бы каким-то образом ее побеспокоите...

– Дорогая моя, так вы вообразили, будто я имел в виду Филиппу? Вы чересчур скромны! Я говорил о вас, Аннабел. Я так давно восхищался вами и горел желанием продемонстрировать вам истинную природу своих чувств. Теперь, как видно, судьба подарила нам идеальную возможность получше познакомиться друг с другом.

– Я скорее лягу спать в змеином гнезде, – холодно сообщила Аннабел, но, уловив едва заметную нерешительность в ее голосе, он торжествующе усмехнулся.

– Ну разумеется, сначала вы будете противиться, как все девушки вашего сорта. Но потом все же поступите разумно, мудро... и сами увидите все преимущества нашей дружбы. Запомните, дорогая, я могу стать вам бесценным другом, а если вы мне угодите, награда будет немалой.

Аннабел отчаянно пыталась придумать, как надежнее всего убедить негодяя не делать ее своей любовницей. Возможно, боязнь посягнуть на собственность другого мужчины – это единственное, что остановит поползновения Ходжема.

– А что, со стороны кажется, будто я нуждаюсь в вашей так называемой дружбе? – спросила она, теребя ткань нового платья. – Вы ошиблись. У меня уже есть покровитель, и притом куда более щедрый, чем вы. Так что вам лучше оставить меня и мою мать в покое, иначе придется отвечать перед ним.

Эмоции, обуревавшие Ходжема, сменялись с удивительной быстротой: недоверие, гнев, злоба, подозрительность...

– Кто он?

– Не думаю, что вам должно быть до этого дело, – ответила Аннабел, холодно улыбаясь. – Предоставляю вам гадать.

– Лжешь ты, хитрая сучка!

– Хотите – верьте, хотите – нет, – пожала она плечами.

Ходжем хищно согнул пальцы, словно умирая от желания схватить девушку за горло и вытрясти из нее правду. Одутловатая физиономия, казалось, распухла

еще больше.

- Я еще не покончил с тобой, - прошипел он, брызгая слюной. - Запомни это!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Упрощенный вид бейсбола, напоминающий русскую лапту. Популярен среди учеников привилегированных частных школ. - Здесь и далее примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/kleypas_liza/tayny-letney-nochi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)